

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег ТАРУГИН

ШТУРМОВОЙ ОТРЯД

Битва за Берлин

Олег Таругин

**Штурмовой отряд.
Битва за Берлин**

«Махров»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Штурмовой отряд. Битва за Берлин / О. В. Таругин — «Махров»,
2015

Они заброшены из нашего времени в апрель 1945 года – в самое пекло беспощадных боев за Берлин. Они вооружены по стандартам нынешнего спецназа – крупнокалиберные штурмовые автоматы АШ-12, пистолеты-пулеметы «Витязь» с ПБС, огнеметы «Шмель», многозарядные гранатометы ГМ-94 с термобарическими зарядами, модульные штурмовые комплекты «Воин-3М», чей тяжелый бронезилет, фартук, воротник и шлем с забралом держат любую пулю. Они получили приказ первыми ворваться в бункер Гитлера и взять его живым за считанные часы до самоубийства, чтобы фюрер на открытом суде рассказал, как Черчилль с Рузвельтом вооружали Рейх и натравили нацистов на СССР. ШТУРМОВОЙ ОТРЯД из будущего должен изменить ход истории!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таругин О. В., 2015
© Махров, 2015

Содержание

Пролог	6
Берлин, район Тиргартен, апрель 1945 года	6
Глава 1	9
Берлин, недалекое будущее	9
Берлин, парк Тиргартен, утро следующего дня	11
Глава 2	18
Берлинский бункер Гитлера	18
Глава 3	24
Москва, наши дни (ретроспектива)	24
Интерлюдия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Таругин

Штурмовой отряд. Битва за Берлин

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события главным образом выдуманы и не имеют ничего общего с событиями реальной истории. Действующие лица романа и некоторые подземные коммуникации Берлина также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amahrov.ru). Спасибо большое, друзья!

© Таругин О., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Берлин, район Тиргартен, апрель 1945 года

К концу весны сорок пятого года один из крупнейших ландшафтных парков Европы, берлинский Тиргартен, уже мало напоминал излюбленное место воскресного отдыха жителей столицы Тысячелетнего рейха. Изрытый воронками авиабомб, несмотря на сеть радиолокационных постов наблюдения и мощную систему противовоздушной обороны, регулярно сбрасываемых на центр города самолетами союзников, и изрядно вырубленный местными жителями на дрова, парк, в шестнадцатом веке бывший излюбленным местом охоты бранденбургской знати, сейчас походил на прифронтовой лес или, скорее, самый настоящий укрепрайон.

Сходства добавляли и многочисленные опорные пункты, противопехотные и противотанковые заграждения, вкопанные в землю по башни тяжелые «Тигры» и приплюснутые железобетонные блины артиллерийских и пулеметных дотов, зачастую соединенных между собой подземными бетонированными потернами. Здесь же, в бывшем болотистом лесу, находилась и одна из трех исполинских многоэтажных боевых башен Первой зенитной дивизии генерал-майора Отто Зюдова «Зообункер», вооруженная как крупнокалиберными сто двадцативосьмимиллиметровыми пушками, так и многочисленными счетверенными зенитными автоматами. Расположенные под башней обширные бомбоубежища, соединяющиеся подземными ходами с другими укреплениями и туннелями городского метро, вмещали до десяти тысяч человек.

Оборонявшие город гитлеровцы не собирались так просто сдавать наступающим советским войскам расположенный в самом сердце Берлина парк, входящий в последний, девятый, сектор обороны города и открывающий дорогу к Рейхсканцелярии, где располагался бункер гитлеровской ставки. Учитывая ограниченную возможность применения танков и авиации и огневую мощь «Зообункера», бои на территории Тиргартена шли весьма кровопролитные – оборонявшиеся, в основной массе, принадлежали к войскам СС, и сражаться за любимого фюрера собирались до самого конца. Поэтому Тиргартен продержался дольше всего, капитулировав только первого мая, когда большая часть нацистской столицы уже оказалась под контролем наших войск, а Адольф Гитлер был мертв почти сутки.

Но сейчас на календаре еще был один из последних дней апреля одна тысяча девятьсот сорок пятого, победного, года...

– Знаешь, Серега, командир, по ходу, приврал, ни фига все это на Грозный не похоже. Если б там такой хренотени понастроили, мы бы его в девяносто пятом вовсе не взяли.

– А предки, как видишь, взяли, причем в сорок пятом и всего за неделю! Молодой ты еще, Лехинс, так что меньше языком чеши, лучше за своим сектором внимательней наблюдай, не хватает только, чтобы на нас какой-нибудь бродячий фриц вышел. Все, харе трепаться.

– Куда уж внимательней... – буркнул себе под нос названный «Лехинсом». – Я уже все листья на кустах пересчитал и местных белок в морду запомнил. Не удивлюсь, если и они меня тоже. Ты вообще уверен, что мы именно там, где нужно?

– Вот сейчас командир вернется, и узнаем, где нужно мы или где не нужно. И какие еще, на фиг, белки, при такой-то канонаде?

– Да видел парочку, вздрюченные, будто... – наткнувшись на взгляд товарища, он коротко хмыкнул себе под нос, решив не продолжать фразы.

Несколько следующих минут прошли в молчании. Каждый из лежащих в зарослях на краю неглубокого овражка с заросшими кустарником склонами бойцов в маскхалатах-«лох-

матках» внимательно контролировал свой сектор местности, готовясь, в случае необходимости, немедленно отреагировать на опасность. Обычная работа обычного фронтового разведчика или спецназовца – часами неподвижно лежать, дожидаясь одному ему ведомого момента. И когда очередная советская мина или снаряд, сопроводив недолгий полет тоскливым воем или журчанием взрезаемого острым носом воздуха, глухо бухали, разбрасывая в стороны комья влажной весенней земли, никто из них даже не вздрагивал. Привыкли. Поскольку каждый из группы побывал уже не на одной войне, стыдливо и обтекаемо называемой политиками «локальным военным конфликтом» или «горячей точкой». И под вражеский минометный обстрел попадали, и под свой же артоналет, поскольку потери от дружественного огня никто, увы, не отменял...

Вот только униформа, сейчас скрытая под балахонистой маскировочной накидкой, была не совсем обычной для этого места и времени. Точнее, совсем необычной. Несмотря на то, что сейчас, весной сорок пятого, в среде армейской разведки и отрядов ОСНАЗа НКГБ СССР встречались самые разнообразные образцы спецодежды, темно-серые, почти черные куртки и брюки с множеством карманов, нашитых на плотную ткань шершавых полосок-липучек, ремешков, петелек и прочих непонятных штук, поставили бы случайного свидетеля в тупик. Суставы прикрывали защитные налокотники и наколенники, на правом бедре каждого бойца крепилась полуоткрытая кобура, откуда торчала ребристая рукоять девятимиллиметрового «Стрижа»¹ в комплектации, дающей возможность автоматического огня и установку ПБС.

Еще больше его поразили бы бронежилеты с закрепленной на передней поверхности модульной разгрузочной системой из взаимозаменяемых подсумков под автоматные магазины, гранаты или элементы боевой экипировки, столь не похожие на примитивные стальные нагрудники-кирасы и поясные подсумки советских штурмовых групп. И это при том, что к бронежилетам еще не были пристегнуты ни защитные воротники, ни плечевая и паховая защита, ни дополнительные грудные бронепластины! Слева на нагрудном сегменте крепились вертикальные ножны под боевой нож и радиостанция, провод от которой уходил под глубокий защитный шлем со встроенной радиогарнитурой и креплением для прибора ночного видения, ныне отсутствовавшего. Современники бойцов однозначно узнали бы в этой экипировке неполный модульный штурмовой комплект типа «Воин-3М», в отличие от прародителя значительно модернизированный и, самое главное, облегченный за счет применения новых материалов и технологий почти на полтора десятка килограммов. Но это современники. Для всех остальных укрывшиеся под маскахалатами наблюдатели выглядели бы пришельцами из иного мира. Что, в некоторой степени, так и было...

Но куда больший шок вызвало бы оружие – в руках затаившихся в зарослях Тиргартена бойцов были девятимиллиметровые пистолеты-пулеметы «ПП 19–01» «Витязь» с глушителями, прямые потомки легендарного «калашника». Ничего подобного в реальности сорок пятого года не существовало и существовать не могло даже чисто теоретически. И каким образом оружие, разработанное через более чем полвека, оказалось именно в этой точке пространства и времени, знали лишь эти двое. Знали, но не рассказали бы даже под самыми изощренными пытками: сумей гитлеровцы их захватить, оба умерли бы гораздо раньше начала допроса. Бойцы группы особого назначения отдела 7 МО РФ просто не умели и не считали нужным сдаваться в плен.

Да и кто, собственно, сказал, что их было всего двое?..

– О, вот и командир ползет! – обрадованно прошептал Лехинс, легонько толкая товарища в бок. – Быстро он, молодец!

¹ Пистолет «Стриж» («Strike One») – новейшая совместная российско-итальянская разработка. Калибр – 9 мм, количество патронов в обойме – 17 шт. Изначально разработан под широко распространенный в мире «коммерческий» патрон 9x19 «Luger / Parabellum», однако может использовать и гораздо более мощные отечественные варианты этого патрона «7Н21» и «7Н31».

– Заждались? – командир штурмового отряда со сложным индексом, понятным лишь непосредственному начальнику да главному компьютеру «семерки», подполковник Виктор Иванович Трешников, до рождения которого оставалось еще долгих двадцать семь лет, устало провел по взмокшему лбу тыльной стороной грязной ладони. Ни чище, ни грязнее вымазанный пятнами и полосами маскировочной косметики лоб от этого, разумеется, не стал. Как и рука.

– Ф-фух! Да уж, сложновато тут ползать, фрицы на стреме, заразы. Ладно, мужики, погнались, мы чуток ошиблись, местность все-таки сильно изменилась, метров триста еще. Ребят я там оставил, вместе с грузом, нечего всей толпой по округе шариться. У вас как, тихо?

– Тихо, Нулевой, – иронично ухмыльнувшись краешками губ, качнул низко опущенным лохматым капюшоном Сергей. – Особенно когда мина рядом падает. Аж в ушах от такой тишины звенит. Место точно то, что нужно?

– Да точно, точно. Где-то там вход, больше ему и быть негде. Ладно, давайте за мной, дистанция – десять метров, не отставайте. Сейчас по овражку проползем, там на дне грязюка, мама не горюй, смотрите не вляпайтесь. Но мин нет, я проверил. Погнались...

Трое людей, похожих на небольшие ожившие холмики, внезапно словно получившие способность самостоятельно передвигаться, один за другим беззвучно растворились в зарослях, не потревожив при этом ни одной ветки...

Глава 1

Берлин, недалекое будущее

Дежурный пограничник столичного аэропорта «Берлин Тегель» Ганс Кюхель с трудом подавил зевок – ежедневный аэробус из Москвы приземлялся поздно, в половине двенадцатого ночи – и с вежливой улыбкой протянул паспорт третьему молодому человеку из небольшой группы русских туристов. Документы у троицы были в порядке, Шенген не просрочен и оформлен по всем правилам, так что придрататься оказалось не к чему, да и незачем. После досрочных перевыборов канцлера и отмены в позапрошлом году идиотских санкций, навредивших Европе в целом, и Германии в частности, куда больше, нежели самой России, в страну снова потянулись туристы, что не могло не радовать. Какое-никакое, а пополнение бюджета – впрочем, не сравнимое с огромными суммами экспорта и доходами от совместных предприятий, в первую очередь в традиционной для федеративной республики области автомобилестроения. Болваны политики наконец одумались, прекратив испуганно смотреть за океан и позволив русским финансовым потокам оживить подзахиревшую немецкую экономику. Кюхель никогда особенно не интересовался политикой и историей, но из редких рассказов побывавшего на Восточном фронте деда помнил, что с русскими следует дружить, но ни в коем случае не воевать. А если русские при этом еще и помогают экономике – так это и вовсе прекрасно!

– Спасибо! Отличное обслуживание, – вежливо поблагодарил турист по-немецки, забирая паспорт. На родном для Кюхеля языке русский говорил весьма неплохо, чувствовалась или хорошая теоретическая подготовка, или большая практика. А едва заметный акцент даже напоминал выговор коренного уроженца Баварии. По крайней мере, многие из эмигрантов, даже прожив в Германии много лет и получив полное гражданство, разговаривают куда хуже, причем дело вовсе не в акценте как таковом, а именно что в знании самого языка.

– Не за что, господа, это моя работа. Приятного вечера. – Пограничник коротко кивнул парню, двинувшемуся в сторону поста таможенного досмотра.

«Спортсмены, наверное, – неожиданно решил Кюхель, инстинктивно проведя ладонью по нависшему над форменным ремнем солидному брюшку любителя пива с жареными сосисками. – «Вон какие подтянутые да рослые. Наверняка там, в своей России, не напищенные холестерином гамбургеры жрут, а нормальную пищу. Да, точно спортсмены, потому и вещей с собой почти нет, только по одному небольшому рюкзачку. Видимо, тренировка у них тут, и не первая, раз так язык вызубрили. Тот, что постарше, – тренер, конечно. Только глаза странные, холодные какие-то, что ли? Такие, что и взглядом лишней раз встречаться не хочется. Вроде бы смотрят доброжелательно, вот только от такой доброжелательности аж мороз по коже. Хотя, кто их, этих спортсменов, разберет...»

Если бы младший пограничный офицер Кюхель служил в бундесвере или какой-нибудь спецслужбе, он, вероятно, нашел бы иное сравнение: такие глаза бывают у бойцов спецназа или профессиональных убийц. Но в армии Ганс не служил – перед смертью дед, пехотный унтер-офицер Гюнтер Кюхель, дважды раненный на фронте и отсидевший семь лет в советском плену, где вместе с бывшими боевыми камадами восстанавливал разрушенные войной русские города, взял с внука слово, что тот не свяжет судьбу с военной карьерой. Служба в подчиняющихся министерству внутренних дел погранвойсках оказалась достойным компромиссом. Поэтому версия о спортсменах его вполне устроила.

Проводив скептическим взглядом идущую к соседней стойке паспортного контроля для граждан Евросоюза высокую тощую немку, похожую на сушеную воблу, с жиденьким хвостиком соломенно-желтых волос на затылке, возвращающуюся на родину из туристической

поездки, он тут же переключился с русских спортсменов на размышления о сомнительных достоинствах соотечественниц. А потом и об этом позабыл, разглядев подходящую к его стойке ослепительно-красивую девушку с российским паспортом в руке, тянущую за собой здоровенный чемодан на колесиках. Вот это уже совсем другое дело, нежели какие-то спортсмены...

Берлин, парк Тиргартен, утро следующего дня

Затянутый утренним туманом городской парк встретил троих «спортсменов» щебетом просыпающихся птиц и зябкой сыростью, тянущейся со стороны озера Нойер. Посещение территории разрешалось круглосуточно, по графику работали только площадки осмотра достопримечательностей, музеи и увеселительные заведения, но в столь раннее время – часы показывали только половину седьмого – раскинувшийся более чем на две сотни гектаров Großer Tiergarten был безлюден и пуст и на самом деле напоминая настоящий лес. Даже запахи были лесными, пахло влажной травой, весенней землей, прелыми листьями, еловым ароматом, отчего с трудом верилось, что буквально в километре – центр огромного и шумного европейского мегаполиса.

Сверившись с GPS-навигатором, старший группы – причем «старшим» он являлся не только по должности, но и по званию и возрасту – молча кивнул в нужную сторону. Несколько минут шли молча, благо непроходимых зарослей, несмотря на девственный вид парка, по дороге не встречалось, затем лейтенант Алексей Новицкий все же не выдержал:

– Командир, а чего мы так рано приперлись-то? Сомневаюсь, что в такое время тут можно встретить любителей пикника на природе. Вот часиков в одиннадцать – другое дело. Расселись бы на травке да трескали сосиски с пивом, ни один полицей не прикопается.

– Вот именно поэтому и приперлись, – пожал плечами тот. – Ночью подозрительно, поздним утром или днем – людно, зато сейчас – в самый раз. Часа два-три у нас есть, а уж потом, коль понадобится, станем любителей пикников на обочинах изображать. Все, если спутник не врет, мы на месте с точностью до трех метров. Третий, Четвертый, быстренько пробегитесь по окрестностям, нам лишние глаза ни к чему, – приказал Трешников, назвав товарищей по их радиопозывным. Нечего расслабляться, и на самом деле не отдыхать сюда приехали.

Сбросив на влажную от росы траву небольшой «городской» рюкзак, подполковник Трешников отстегнул клапан и вытащил телескопическую штыковую лопату-«фискарь»². Помахивая лопаткой, неторопливо двинулся по расширяющейся спирали, внимательно осматриваясь в поисках ориентира, который помог бы привязать нынешнюю местность к тому, что находилось здесь семьдесят с лишним лет назад. Несмотря на прошедшие годы, виденная на старых фотографиях приметная балочка никуда не делась, разве что порядочно обмелела да склоны оплыли, став более покатыми.

Теперь предстояло найти, собственно, вход – ради чего они и прилетели в Берлин, поскольку точных схем не сохранилось, лишь упоминание в старых архивах о подземном ходе, ведущем из этого уголка городского парка в подвалы зенитного комплекса «Flakturm I Zoo», один из туннелей метро и далее непосредственно к Рейхсканцелярии и гитлеровскому бункеру. В идеале им предстояло обнаружить и осмотреть ход как минимум до развилки, расположенной под бывшей артиллерийской башней, а то и дальше, аж до самого «фюрербункера», однако никакой гарантии того, что он еще существует, не было. Попавший в британскую зону оккупации «Зообункер» был разрушен еще в сорок восьмом году. Английским саперам пришлось использовать для этого порядка тридцати с лишним тонн взрывчатки, и секретный туннель скорее всего обрушился. Но пока оставался пусть и мизерный, но шанс, что это не так, пренебрегать им не следовало. Единственное, что было точно известно, – вход находился именно здесь, в склоне этой балки. Но вот где конкретно, никто не знал.

² «Фискарь» (жаргон) – лопата финской компании «Fiskars». Благодаря высокой надежности, удобству и возможности переносить в сложенном виде в рюкзаке или чехле металлодетектора, является излюбленным инструментом археологов и кладоискателей.

От идеи использовать металлодетекторы или магнитометры отказались сразу – вряд ли от них была бы хоть какая-то польза, да и на таможне возникли бы ненужные вопросы, а просить помощи в родном посольстве нельзя из соображений секретности. Несмотря на начатое в сорок девятом восстановление и полную реконструкцию парка, земля и через семь десятилетий хранила в себе тонны металла – осколков, неразорвавшихся снарядов и мин, обломков техники и оружия, разнообразных гильз и прочего «военного железа», так что прибор просто выдавал бы непрерывный сигнал, причем в разных диапазонах, от чугуна до цветмета. Приходилось надеяться исключительно на собственную наблюдательность, простейший щуп и старую добрую лопату.

Впрочем, шутница-судьба, с интересом наблюдавшая за тем, что в самом скором времени собирались сделать эти люди, оказалась настроена весьма благожелательно, и уже через двадцать минут Трешников наткнулся на торчавший из склона замшелый бетон – если не знаешь, что именно ищешь, ни за что не заметишь в зарослях густого кустарника. Судя по аккуратно сглаженному углу, явно не какой-то случайный обломок, а именно то, что нужно. Отлично!

Подполковник сгреб в сторону перепревшие прошлогодние листья и, аккуратно подрывив дерн лопатой, вырезал первый кусок. Затем следующий. Нагнать не стоило, когда будут уходить, придется привести все в прежний вид. Конечно, вряд ли посетители Тиргартена или его администрация сунутся в ближайшее время в этот заросший кустами овражек, еще и расположенный в достаточно глухом уголке парка, но рисковать нельзя ни в коем случае. Местным вовсе незачем знать, что кто-то проявлял нездоровый интерес к древней фортификации, особенно если этот «кто-то» еще и имеет отношение к русской военной разведке...

Вскоре лопата коротко скрежетнула по металлу. Сделав еще несколько энергичных взмахов, Трешников убедился, что не ошибся: именно дверь. Не особо большая, примерно полтора метра высотой, некогда выкрашенная темно-серой, шаровой краской, ныне практически облезшей. Судя по виду залепленных глиной рукояток, отпирающих ригельные замки, шансы на то, что их удастся сдвинуть с места даже ломом (которого у них, собственно, и не имелось), практически нулевые, прижавели намертво. Ладно, это не самая большая проблема, имеется в рюкзаках кое-что и на этот случай, готовились. Еще раз оглядев результат своих археологических изысканий, подполковник воткнул в землю лопату и коротко свистнул, привлекая внимание подчиненных.

– Готово, командир, – старлей Костя Коробов отложил в сторону портативный газовый резак, стащил защитные очки и отодвинулся, позволяя товарищам обозреть зияющую свежими дырами на месте запоров дверь. – Еще немного потренируюсь, и в следующий раз «Дойчебанк» можем брать. Любой сейф вскрою. Командир, можно, я теперь не Третьим буду, а Костей-медвежатником?

– Трепись меньше, медвежатник. Прибор в рюкзак пакуй, он нам внизу тоже может понадобиться. Леша, давай волшебную дверцу открыть попробуем... Буратины, блин, с папой Карлами. Да, кстати, как под землю пойдем, будьте повнимательнее, фрицы могли и заминировать. Времени, конечно, прошло прилично, но поди знай, так что осторожность не помешает.

Дверь совместными усилиями всех троих удалось приоткрыть лишь спустя несколько минут. Наконец, противно скрежеща напрочь прикипевшими петлями, она распахнулась настолько, что в щель мог боком пролезть взрослый человек. Изнутри пахло многолетней сыростью, застоявшейся водой и ржавчиной, и подполковник мрачно подумал, что если подземный туннель и не обвалился во время взрывов, вполне может оказаться затопленным грунтовыми водами. Такой вариант, разумеется, предусматривался, весь вопрос в том, насколько высоко поднялась вода – исследовать туннель с аквалангом никто не собирался.

Задрапировав вход масксетью, присыпанной сверху прошлогодними листьями – придирчиво оглядев маскировку со стороны, Трешников с удовлетворением признал, что уже с пяти метров все выглядит словно нетронутый склон, – «спортсмены» сменили кроссовки на болот-

ные сапоги и натянули брезентовые куртки, поддев под них теплые свитера. Дополнив экипировку перчатками и мощными налобными фонарями, люди один за другим исчезли в темном зеве старого хода, где вот уже семь десятилетий не ступала нога человека...

Сразу за дверью начиналась неширокая бетонная лестница со скользкими замшелыми ступенями, двумя метрами ниже уходящая под воду, кажущуюся в резком свете фонарей абсолютно черной, маслянистой. Вдоль покрытой вездесущей плесенью и какими-то темными потеками стены со следами опалубки шли проржавевшие, едва державшиеся на источенных временах и сыростью кронштейнах, перила, братья за которые никто не рискнул.

Спустившись вниз, подполковник остановился на последней ступени, внимательно осмотрелся и осторожно прощупал ногой скрытую водой поверхность. Сделал шаг, еще один – и неожиданно понял, что лестница закончилась. Это не могло не радовать – ровный бетонный пол оказался залит не более чем сантиметров на сорок. Правда, видимый в свете фонаря широкий, метра четыре от стены до стены, коридор постепенно понижался, но и не настолько круто, чтобы уровень воды поднялся выше пояса, максимум – груди. Несмотря на то, что укрепления в Тиргартене строились уже в военные годы, педантичные немцы, видимо, все же предусмотрели и дренажную систему, которая худо-бедно работала до сих пор, иначе коридор уже давно затопило бы под потолок.

Переквалифицировавшиеся в диггеров «спортсмены» продвигались медленно – идущий первым Трешников ощупывал дорогу раскладной горной палкой, опасаясь наткнуться на невидимое под водой препятствие. Предосторожность оказалась не лишней: периодически группа останавливалась, натываясь на завалы из сгнивших ящиков, содержимое которых давно превратилось в осклизлые, заиленные кучи. Часто встречались противогазы – то ли гитлеровцы всерьез опасались химической атаки, то ли, что вернее, собирались защищаться от заполнившего подземелье дыма. В некоторых ящиках некогда хранились разнообразные боеприпасы или оружие, ныне потерявшее прежний вид настолько, что с трудом удавалось даже определить модель. Один раз наткнулись на сложенный под стеной солидный, в два ряда штабель, до сих пор выступавший над водой, некогда использовавшийся в качестве временных нар для размещения раненых. Заглянув внутрь почерневших и разлезшихся ящиков с прогнившими, давно провалившимися крышками, обнаружили там останки нескольких человек в лохмотьях истлевшей униформы с до сих пор различимыми сдвоенными молниями на петлицах – эсэсовцы, разумеется, кто ж еще...

Несмотря на то, что все трое многое повидали на своем веку, всецело царящий в этом месте дух запустения давил на психику. С низкого, местами иссеченного мелкими трещинами потолка, вдоль которого шли пакеты кабелей, порой срывались тяжелые капли, гулко бухавшие об воду. Первое время люди инстинктивно вздрагивали, затем привыкли, просто перестав обращать внимание. Ничего интересного по дороге больше не встречалось: кое-где на неокрашенных железобетонных стенах с полустершимися трафаретными надписями-указателями были закреплены насквозь проржавевшие коробки распределительных электрощитов; несколько раз исследователи находили металлические двери, ведущие в небольшие боковые комнаты, некогда выполнявшие роль не то караульных помещений, не то каких-то подсобных помещений или складов.

Ради интереса зайдя в одну из них – сваренная из тонкого металла на каркасе из уголков дверь рухнула внутрь, сорвавшись с петель, при небольшом нажиме, – обнаружили ряд двухъярусных армейских коек вдоль стен, на провисших сетках которых покоились разбухшие, потемневшие от влаги матрасы. На небольшом раскладном столике до сих пор валялись истлевшие консервные банки и стояло несколько пустых темно-зеленых винных бутылок. Потревоженная поверхность воды всколыхнулась, и из-под одной из коек неторопливо выплыла перевернутая немецкая каска, неведомым образом не прогнившая до дыр и не утонувшая. Соседняя комнатка семьдесят лет назад была заставлена стеллажами, от которых

ныне остались лишь несущие металлические рамы – все остальное, и доски настила, и размещенные на них ящики, картонные коробки и какие-то тюки, давно разлезлось и сгнило, превратившись в уже ставшие привычными осклизлые груды, местами торчащие из темной воды.

Примерно часа через полтора стало понятно, что они приближаются к подземельям бывшей зенитной башни: железобетон избороздили вовсе уж широкие трещины, сквозь часть из которых даже проросли вездесущие древесные корни, причудливой бахромой свешивающиеся со свода или опутывающие стены. Идти стало труднее, скрытый поднявшейся выше пояса водой пол закрывал толстый слой нанесенного сквозь разломы грунта, под ноги подворачивались обломки бетона – сказывались последствия разрушивших «Зообункер» английских взрывов.

– Слышь, командир, я вот вспомнил, – чуть запыхавшимся голосом сообщил Коробов. – В Интернете недавно вычитал: ты в курсе, что сейчас на месте зенитной башни – вольтер с бегемотом? Смешно, правда? Еще немного, и будем прямо под ним.

– Или не будем, – мрачно буркнул подполковник, высветив метрах в двадцати вовсе уж хаотическое нагромождение искромсанного взрывом бетона и перекрученной арматуры.

– Похоже, все, пришли. Обвал. Зря только купались.

– А может, и не зря, – Костя указал рукой вправо, подсветив направление лучом своего фонаря. – Вон туда глянь, командир, видишь? Вроде можно пролезть, без рюкзака, конечно.

– Вот только нужно ли? – засомневался подполковник. – Если здесь такой завал, дальше наверняка и вовсе тупик.

– Так давай я сползаю? Интересно ж. Да и согреюсь заодно, прохладненько тут.

Поколебавшись пару секунд, Трешников разрешающе кивнул:

– Добро, возьми еще один фонарь, и дуй, спелеолог-любитель. Только осторожненько. Мин там, конечно, нет, главное, на железяку какую не напорись. Если заметишь, что обломок вовсе уж на соплях висит, не вздумай под него лезть, это приказ. Полчаса плюс-минус десять минут тебе на все про все.

– Легко. – Старлей вытащил из рюкзака мощный фонарь в обрезиненном водонепроницаемом корпусе, щелкнул кнопкой. Упираясь ногами в обломки железобетона, протиснулся в лаз. Перемазанные грязью и илом, влажно отблескивающие подошвы сапог несколько раз дернулись, скрывшись в образованной двумя бетонными глыбами изломанной трещине.

Оставшиеся в коридоре Трешников с Новицким подвесили рюкзаки за торчащие из завала ржавые арматурины и расселись на обломках, поднявшись выше уровня воды. Несмотря на позднюю весну, здесь, под землей, было довольно прохладно, градусов десять, так что ноги в резиновых болотниках порядочно подмерзли. Да и поддетые под ветровки свитера в подобной сырости грели плоховато. Достав термос, подполковник налил в крышку горячего чая, протянул исходящую паром емкость подчиненному:

– На, Леш, согрейся чуток.

Сам тоже сделал несколько глотков, прямо из горлышка: налитый перед выходом чай уже успел подостыть и почти не обжигал.

Отсутствовал Коробов минут двадцать, затем по изломанному бетону снова замелькали отблески света, и из лаза показалась перемазанная грязью, но чрезвычайно довольная физиономия старлея Коробова:

– Нормалек, тарщ подполковник. Удачно сползал.

Выбравшись наружу, Костя уселся рядом с товарищами и, благодарно кивнув, принял протянутую командиром крышку-стаканчик с чаем. Сделав пару глотков, продолжил рассказ:

– Короче, боковой ход, что вел в бомбоубежище зенитной башни, закупорен намертво, так что бегемот нам на башку точно не упадет и даже не нагадит. От него только бронепереборка покореженная осталась, а дальше сплошной завал из железобетона и почвы. Не думаю, что наглы его специально подорвали, скорее, свод не выдержал взрывов и просел вместе с грун-

том. Но тут обнаружился интересный вариант – не доходя... в смысле, не доползая, до основного завала, у фрицев имелся еще один туннель, видимо, технический. Ну, всякие кабели в нем проходили, трубы какие-то, коммуникации, одним словом. Вот он, как ни странно, почти не пострадал. Узкий, зараза, но протиснуться вполне можно, без поклажи, разумеется. И самое приятное, расположен он примерно в метре над полом, так что воды внутри нет. Я метров двадцать прополз, еще примерно столько же в свете фонаря осмотрел – вполне проходимо. Только разворачиваться, когда возвращаешься, сложно, всю спину ободрал, а задом ползать неудобно. Главное, за фигни, которыми кабеля к стене крепились, не зацепиться – они, хоть и ржавые, но одежду рвут на раз. – Спецназовец продемонстрировал свежую прореху на рукаве ветровки. – Полезем, что ли?

– Рисково... под обвал точно не попадем?

– Да точно, точно. Я так прикинул, нам всего метров сто проползти нужно, а там и та самая развилка будет, что к метро и Рейхсканцелярии ведет. Ну или не развилка, а боковое ответвление, поскольку к бункеру ход, как я понимаю, идет напрямую.

– А как из этого технического лаза выбираться? В смысле, если доползем до нужного места?

Коробов фыркнул:

– Да как в амерских боевиках. У них каждые пятнадцать метров такие окошки зарешеченные имеются, видимо, для техобслуживания. Ржавые напрочь, я одну решетку просто рукой выломал.

– Ладно, тогда решаем так, – подполковник взглянул на Новицкого:

– Четвертый, останешься здесь. Контрольное время – два часа. Если не вернемся, ждешь еще час, за нами не суешься. Выбираешься наружу и звонишь... ну, не мне тебе объяснять, куда и кому. И никакой самостоятельности, это приказ. Нечего так кисло смотреть, нам тоже будет спокойнее, ежели за спиной прикрытие останется. Все понятно?

– Так точно... – тяжело вздохнув, кивнул Алексей.

– Ну и все. Тогда мы поползли. Показывай дорогу, Сусанин.

На самом деле лейтенант Новицкий вовсе не горел желанием вместе со всеми исследовать обнаруженный товарищем ход, так что его реакцию Трешников истолковал неверно. Выросший в Красноярском крае и привыкший к необъятным таежным просторам родной Сибири, Алексей просто... нет, не боялся, конечно – от этого его отучили еще во время срочной службы в разведбате, – скорее, ощущал себя не в своей тарелке. Замшелые железобетонные стены старого туннеля, затхлый сырой воздух и гулкая тишина, разрываемая лишь очередным шлепком упавшей с низко нависшего, покрытого трещинами потолка тяжелой капли, давили на него, словно штурмовой костюм в полной комплектации и с двойным боекомплектom. Да он лучше б отмахал марш-бросок по пересеченке или пару раз преодолел полосу препятствий повышенной сложности, чем сидеть в одиночестве несколько часов в этом сочащемся влагой и пахнущем тленом безмолвии! Чистый склеп, блин!..

Разумеется, он, как и все ребята группы, проходил базовую подземную подготовку, но одно дело – спуститься на пару часов в заброшенное еще в девяностых противоатомное убежище, ныне используемое для тренировок спецназа, отработать программу – не одному, заметьте, а вместе с товарищами! – и подняться на поверхность. И совсем другое – оказаться в подобном месте в полном одиночестве. Еще и те пожелтевшие костяки в сгнивших ящиках... Покойников Новицкий, само собой, не боялся, ни свежих, ни погибших много лет назад – скорей, наоборот, профессионально опасался не успеть первым перевести противника в несовместимое с жизнью физиологическое состояние, но близость старых костей оптимизма тоже не добавляла.

Раздраженно выругавшись себе под нос – хорош, мать его, спецназовец! – лейтенант плавно, без брызг, сполз в темную воду. Отец, заядлый охотник, частенько брал маленького

Лешу в тайгу, где не только обучал всяким разным охотничьим премудростям, но и учил парнишку бороться с собственными страхами. Но тайга Лешку не пугала даже в детстве, ни зимняя, ни летняя. Да и клаустрофобией он никогда не страдал, иначе б просто не попал ни в спецназ вообще, ни в этот отряд в частности. Дело исключительно в царящей вокруг атмосфере...

Прихватив горную палку, Алексей бодро двинулся по коридору в обратном направлении, оставляя за спиной небольшой кильватерный след взбаламученной воды, покрытой какими-то плавающими темно-зелеными лохмотьями. Отец говорил, что клин клином вышибают. Ну а в его положении, соответственно, страх страхом... Разумеется, возвращаться к ящикам с мертвяками он не собирался, далеко, да и смысла нет, а вот осмотреть замеченную в паре десятков метров очередную тупиковую комнату можно. Пользы, конечно, тоже никакой, но хоть какое-то занятие, да и от дурных мыслей отвлечется...

Дверь в искомое помещение располагалась гораздо выше остальных, почти в метре над уровнем пола, потому, видимо, и сохранилась лучше – кое-где даже уцелели остатки темно-серой краски. Скрытая водой по верхнюю ступеньку, небольшая лесенка-трап порядком проржавела, так что вставать на нее Алексей не решился, благо дверь оказалась наполовину раскрыта. Ухватившись за массивную металлическую раму, он оттолкнулся от пола, забросив тело сразу на небольшой порожек. Под пальцами противно хрустели, осыпаясь и пачкая перчатки, чешуйки отслаивающейся ржавчины. В свете налобного фонаря мелькнули полустершиеся буквы, из которых Новицкий разобрал лишь смутно знакомое «funk». Ага, вот оно что – видимо, тут у немцев располагался пункт связи или нечто подобное. Радиорубка, короче говоря. Ну, пусть для разнообразия будет радиорубка, ему-то не один хрен?

Навалившись плечом, сдвинул противно скрежетнувшую дверь еще на пару десятков сантиметров, чтобы не протискиваться вовсе уж впритык. И неожиданно обратил внимание на не замеченные сразу пулевые пробоины, три в самом дверном полотне и еще парочку – в толстенном, сваренном из сантиметровой стали, косяке. Все пули неведомый стрелок выпустил в район запора, видимо, расстреливая замок. Прикинул калибр: выходило никак не меньше девяти миллиметров, скорее, даже больше – края пробоин покрылись налетом ржавчины, оплыли, уменьшившись в размерах.

Очень интересно... Как ни крути, получается, что тот, кто штурмовал пункт связи, использовал бронебойные патроны. А ведь, судя по архивным данным, наши про этот ход до самой капитуляции Берлина так и не узнали. Значит, немцы? Ну и на фига им расстреливать замок в собственную радиорубку? Может, там заперся какой-нибудь убежденный коммунист-тельмановец, решивший, допустим, выйти на связь с советскими войсками? Да и откуда в сорок пятом бронебойные пули такого калибра? Ладно, к чему гадать, вот сейчас и поглядим, благо вода в комнату не проникла, высоко, потому и пол сухой.

Осветив небольшую, метра четыре на три, комнату, спецназовец убедился, что не ошибся: и на самом деле пункт связи. Стол с допотопной радиостанцией, рядом с раскуроченным передатчиком – похожая на пишмашинку шифровальная машина с множеством кнопок и три обычных дисковых телефона в массивных эбонитовых корпусах, причем стоящий ближе к краю стола расколот пулей или осколком. Пожалуй, на полноценный узел связи помещение и размерами, и количеством аппаратуры не тянет – радиостанция всего одна, нет ни телефонного коммутатора, ни батарей аварийного питания, ни рабочего места второго оператора, – так что, скорее, что-то вроде резервного пункта связи.

Вдоль левой стены – койка с просевшей сеткой, среди лохмотьев истлевшего матраса и на полу – темно-желтые кости в обрывках униформы. Такое впечатление, что человек пытался вскочить с кровати, но получил смертельное ранение и упал, частично свесившись вниз, оттого и столь неожиданное расположение останков. Справа – металлический шкаф под потолок, к боковой стенке прислонен знакомый по картинкам из оружейных справочников «Штурмгер-44», порядком заржавленный, но вполне узнаваемый. Ну и самое главное: рядом с опро-

кинутым вертящимся табуретом без спинки – еще один скелет, на откатившемся в сторону черепа сохранились остатки наушников, провод от которых до сих пор тянется к радиостанции. Цепочка с овальным «смертным» жетоном лежит на полу среди рассыпавшихся шейных позвонков.

Наклонившись и подсвечивая фонарем, Новицкий осмотрел останки, без труда определив причину смерти: радист погиб от попавшего в затылок осколка, уж больно повреждение типичное, определено не пуля. Ага, точно, на бетонном полу, почти по центру комнаты, небольшая, но достаточно характерная выщербина, какую обычно и оставляет взорвавшаяся осколочная граната, скорее всего, наступательная. А вот второго покойника, похоже, застрелили: во лбу – аккуратная дырочка, затылок, разумеется, вынесен напрочь, били в упор из достаточно мощного оружия с неслабым останавливающим действием пули. Видно, посекло осколками, но не до смерти, вот и добились...

Что ж, вполне объяснимо: расстреляли замок, приоткрыли дверь и забросили внутрь гранату, после чего ворвались и провели окончательную зачистку помещения. Обычная тактика штурмовой группы. Собственно говоря, их именно так и учили – выбить дверь, бросить гранату, добить уцелевших. Классика жанра, можно сказать.

В том, что все так и обстояло, Алексей больше не сомневался, уж больно типичные следы от осколков остались и на жестяном шкафу, и на радиостанции. Даже забранные защитной сеткой потолочные плафоны разбиты, обломки стекла до сих пор отблескивают на полу. Аппаратура, между прочим, не только осколками посечена, но еще и расстреляна: ворвавшийся в радиоузел человек, добив второго радиста, выпустил пару очередей и по столу с радиостанцией, оттого и телефон так разворотило, и шифровальная машинка часть кнопок по поверхности стола разбросала.

Под ногой едва слышно звякнул металл. Наклонившись, лейтенант автоматически подобрал несколько позеленевших, окислившихся гильз, задумчиво покатав в ладони, поднес к глазам. И почувствовал, как шевельнулись коротко остриженные волосы на голове. Если покрытая зеленым лаком гильза от девятимиллиметрового бронебойного патрона отечественного (и далеко послевоенного) производства типа «7Н21» или «7Н31» практически не отличается от немецких патронов «9×19», использовавшихся во время Великой Отечественной, и он вполне мог ошибаться, то уж толстенькие продолговатые цилиндрики спецпатронов «12,7×55» для тульского штурмового автомата «АШ-12», первые экземпляры которого поступили в подразделения спецназа лишь в две тысячи одиннадцатом году, спутать он ни с чем не мог. Однозначно не мог.

Ощувив, как между лопатками пробежал предательский холодок, Алексей торопливо отер перчаткой донца гильз, взгляделся в смутно различимую маркировку. И отрешенно, словно о чем-то совершенно неважном, подумал, что окончательно сошел с ума: девятимиллиметровые патроны и на самом деле оказались отечественного производства и были выпущены в конце восьмидесятых годов, штурмовые же и вовсе в двадцать первом веке!

Разумеется, в собственное помешательство он не верил, так что объяснить подобную находку можно было лишь одним-единственным способом: их группа, совсем недавно получившая подобное оружие, семьдесят с лишним лет назад этот коридор уже проходила. И означало это только одно: перемещения во времени действительно реальны, и в самом скором времени ему с товарищами предстоит снова попасть в этот туннель, вот только произойдет это за семь десятилетий от этого дня...

Глава 2

Берлинский бункер Гитлера

Зеленоватые цифры на запущенном в режиме обратного отсчета таймере наручных часов обнулились, и бетонный пол под ногами едва заметно вздрогнул: сработали заложенные в генераторном отсеке заряды. Свет, коротко мигнув, погас, погрузив бункер во тьму. Освещение, равно как и система принудительной вентиляции, приказало долго жить в обеих частях гитлеровской ставки, и в старой, построенной еще перед войной, и в расположенном несколькими метрами ниже «фюрербункере»³.

В наушниках встроенной в защитные шлемы радиогарнитуры щелкнуло, и спокойный голос Нулевого произнес:

– Работаем. Четные номера – правая сторона, нечетные – левая. Первый – двери. На объекте «А» наглеем по полной, на «Б» – аккуратненько. Десять минут, время пошло. Вперед.

Один из спецназовцев сбежал по короткой лестнице и прилепил к петлям массивной броневой двери пару двадцатисантиметровых колбасок малогабаритного взрывного устройства «Импульс». Отбежав назад, присел под прикрытием лестничного пролета и активировал детонатор. Вспышка на миг высветила готовых к атаке бойцов, расположившихся вдоль обеих стен, небольшое облачко сизого дыма растеклось под низким железобетонным потолком. Облаченные в штурмовые костюмы спецназовцы походили на медлительных роботов из какого-то фантастического фильма, но это впечатление, несмотря на солидный вес защитного комплекта, было обманчивым.

Казавшаяся непреодолимой преградой дверь с протяжным металлическим гулом рухнула на ступени, а внутрь небольшого караульного помещения, где находился пост охраны, влетела осколочная граната. Еще один взрыв, и две рванувшиеся вперед обманчиво-неповоротливые тени ворвались в тамбур, расположенный между внешней и внутренней дверями. Оба охранника в эсэсовском камуфляже были мертвы, и спецназовцы бросились к внутренней двери. На этот раз пластик не понадобился, ведущая в центральный, и единственный, коридор гитлеровского бункера дверь оказалась не заблокированной.

Провернув запорный штурвал, один из бойцов потянул на себя толстенное полотно и отступил в сторону, позволяя товарищам парами ворваться внутрь. В авангарде двигались двое спецназовцев, в руках которых, помимо оружия, были восьмиугольные противопульные щитки, следом – растянувшиеся цепочкой вдоль стен четные и нечетные «номера».

Старый бункер брали быстро, не боясь, что под пули или осколки попадет предназначенный к захвату объект. Сопротивления особо не опасались: во-первых, согласно доведенной перед началом операции информации, внутренняя охрана бункера насчитывала не более полутора десятков человек, половина из которых сейчас отдыхала. Во-вторых, в условиях, когда единственными «зрячими» оставались лишь оснащенные приборами ночного видения спецназовцы, сложно ожидать эффективного противодействия от противника, ослепленного и оглушенного взрывами светошумовых гранат и деморализованного внезапностью нападения. Фонари у немцев, разумеется, найдутся, но сейчас от них пользы практически никакой – демаскируют. Главное, не допустить случайной засветки собственных ПНВ. Да и не учили охрану

³ Расположенный под Рейхсканцелярией бункер Гитлера состоял из двух частей. Первая его очередь, так называемый «Vorbunker», была построена в 1936 году как обычное бомбоубежище; вторая, собственно гитлеровская ставка, иногда называемая «Führerbunker», – в сорок третьем. Она располагалась несколько глубже, соединяясь со «старым бункером» лестницей.

образца сорок пятого года воевать со спецназом из двадцать первого века, подготовленным именно для штурма подобных объектов.

В контрастном зеленом свете приборов ночного видения все происходящее теряло объем, казалось двухцветной черно-зеленой графикой из какой-то компьютерной игры-стрелялки. Вот из выходящей в общий коридор двери вывернулись два эсэсовца с громоздкими «StG.44» в руках. Выстрелить ни один из них, разумеется, не успел: снабженный ПББС компактный девятимиллиметровый пистолет-пулемет в руках идущего вдоль правой стены бойца прошлепал короткой очередью, впечатывая обоих в стену. Перескочив через трупы, спецназовец придержал ногой начавшую закрываться дверь и забросил в помещение осколочную гранату. Глухой удар, клуб дыма и бетонной пыли – и боевая пара ворвалась внутрь. Двухъярусные койки вдоль стен, стенд с оружием, несколько скорчившихся тел на полу и кроватях – намертво заученный план бункера не врал, основная караульная комната, где отдыхали свободные от дежурства охранники. Выполнив контроль, бойцы вернулись в коридор.

Второй паре достались состоящие из нескольких отсеков помещения столовой и кухни. Действуя по прежней схеме, выбили дверь, забросили «РГО», ворвались следом. Тридцать секунд – и еще пять трупов. Под ногами хрустят осколки разбившейся посуды, грохочет об пол сбитая со стола алюминиевая кастрюля. В свете ПНВ разлившееся варево выглядит черным, словно кровь. Главное – держать темп, максимум времени на каждое помещение – сорок секунд...

На зачистку пункта связи затратили немного больше времени: радисты успели заблокировать вход. Снова отработал «Импульс», срывая с петель металлическую дверь, бухнула граната и, финалом короткого боя, в затянутой дымом комнате прозвучало несколько приглушенных «пэбэбээсами» коротких, сериями по три, очередей. Пленных не брали, хоть на плечах у двух обнаруженных внутри офицеров и оказались витые погоны с генеральскими розочками. Объект захвата находился впереди, так что последним, что услышали в своей жизни высокопоставленные «солдаты фюрера», стали раздавшиеся из кромешной тьмы негромкие хлопки выстрелов.

Внезапно ударившая в упор очередь заставила спецназовцев присесть, прижимаясь к стенам: залегший метрах в десяти впереди охранник лупил вслепую на расплав ствола. В замкнутом и уже порядком затянутом мутным дымом помещении грохот автоматных выстрелов казался неестественно громким, бьющим по ушам даже сильнее, нежели глухие взрывы гранат. Впрочем, именно что «казался» – расположенные под защитными шлемами наушники одинаково эффективно гасили и звуки выстрелов, и грохот взрывов.

– Минута, – спокойно напомнил идущий в прикрытии Нулевой. – Из графика не выходить.

Один из спецназовцев, крикнув «бойся», перебросил под руку бездействовавший до того трехзарядный гранатомет «ГМ-94» и выпалил в плюющуюся вспышками темноту безосколочной фугасной гранатой с термобарическим снаряжением. Предупрежденные товарищем бойцы зажмурились, опустив головы и защищая от засветки глаза и чуткие окуляры приборов ночного видения. Впереди полыхнуло и грохнуло, ударив по ушам. В поверхность штурмовых комплектов мягко толкнулась волна горячего воздуха, едко пахнущего сгоревшей химией. В результате никто не сомневался: радиус сплошного поражения ударной волной и высокой температурой при разрыве сорокатрехмиллиметровой гранаты – минимум три метра.

Спустя пять минут от начала штурма группа в полном составе собралась на лестнице, ведущей вниз собственно «фюрербункера». Эта недлинная лестница, огражденная перилами на вделанных в стены кронштейнах, заканчивалась небольшой площадкой с массивной герметичной бронедверью – попавший в молодости под химическую атаку Гитлер опасался повторения прошлого кошмара, во время Первой мировой всерьез подорвавшего его здоровье.

– Пять с половиной...

Прикрепив вокруг петель и в точках, где ригели запорного механизма входили в пазы дверной коробки усиленные заряды, отошли как можно дальше, укрывшись за изгибом коридора, и взорвали дверь. Навалившись втроем, обрушили на пол тяжеленную железяку, повисшую на не перебитой до конца верхней петле, и забросили внутрь светошумовую гранату. Однако, несмотря на ослепительную вспышку и рвущий барабанные перепонки не ожидающего подобного человека грохот, с той стороны ударили несколько автоматов. Эсэсовцы из личной охраны фюрера, верно истолковав раздавшуюся со стороны старого бункера канонаду, успели соорудить импровизированную баррикаду из лавок и поваленных на бок металлических оружейных шкафов, и теперь поливали огнем затянутый дымом дверной проем. Пришлось снова дать залп из ручного гранатомета, уже прицельно добавив из крупнокалиберных штурмовых автоматов «АШ-12»⁴ – использовать осколочные гранаты здесь, в личном бункере Гитлера, Нулевой запретил категорически, только светошумовые. Впрочем, охранявшим вход гитлеровцам этого хватило сполна: дерево и тонкий металл не могли защитить ни от тяжелых экспансивных пуль, ни от высокотемпературной ударной волны.

– Вперед, – скомандовал Нулевой. – Работаем по плану. Группам захвата – внимание. Напоминаю, «объект-раз», первая дверь слева, заходим через санузел и комнаты Браун, «объект-два» – первая справа, через техотсек и пункт связи. Основная группа проходит коридор, особое внимание на четвертую слева и третью справа двери, «объекты» могут попытаться добраться до аварийного выхода. Поехали.

Началась самая ответственная, поистине «хирургическая» часть операции, и права на ошибку, даже самую крохотную, ни у кого из десяти спецназовцев не было. Поскольку, пойдя что-то в обход плана, исправить и переиграть уже ничего не удастся. Сделанное совсем недавно и ныне засекреченное всеми возможными способами научное открытие доказало, что история имеет сослагательное наклонение, но... не более одного раза в несколько лет. Пока изменить ход событий далекого прошлого удавалось лишь единожды для каждой «точки воздействия», суть – конкретной даты в прошлом. Неудача – и все придется начинать с самого начала, отыскивая новую «точку» и тратя силы на сложнейшие расчеты вероятностных линий изменения былого. Но самое главное – чтобы снова попасть в избранный временной промежуток (или в любой предшествующий ему год), необходимо ждать около пяти лет, которых у них могло и не оказаться....

Расчистив проход в расстрелянной и взорванной баррикаде, бойцы оказались в центральном коридоре «фюрербункера», заканчивающемся еще одной лестницей и запасным выходом в сад Рейхсканцелярии. По левую руку располагалась дверь в туалет и душевую, куда полетела «Заря-2», и следом ворвались двое спецназовцев. Следовало соблюдать особую осторожность, душевая граничила со спальней и гардеробной Евы Браун, откуда был прямой проход в комнаты Гитлера, и оставался небольшой шанс, что он может там оказаться, несмотря на специально выбранное время штурма – часы показывали половину четвертого утра. Согласно архивным данным и воспоминаниям современников, в это время фюрер, привыкший вставать около шести, обычно находился в собственной спальне, расположенной в дальней части бункера. Так и оказалось – еще не ставшая официальной супругой Адольфа Шикльгрубера женщина оказалась в спальне одна. Захватывать ее у спецназовцев приказа не было.

Одновременно атаковали технический отсек и центр телефонной и радиосвязи, находящиеся справа, сразу за двухметровой защитной стеной, разделявшей старую и новую части подземного убежища. Тут особенно не церемонились, просто выбили дверь, благо внутри бункера они бронированными не были, и забросили внутрь очередную «Зарю». Выполнив кон-

⁴ «АШ-12» – новейший отечественный штурмовой автомат под патрон 12,755 мм. Разработан по заказу ФСБ России для вооружения спецподразделений. Обеспечивает мощное останавливающее действие на небольшой дистанции. Может комплектоваться ПБС и подствольным гранатометом. Подробные ТТХ засекречены.

троль, бойцы тут же продолжили движение уже через внутренние двери, ведущие в рабочий кабинет и личные апартаменты Геббельса, где он с двадцатых чисел апреля обитал вместе с супругой и детьми.

Как ни странно, кроме троих уничтоженных возле баррикады гитлеровцев, другой охраны в занимаемой рейхсминистром пропаганды и будущим рейхсканцлером части бункера не оказалось, лишь двое оберштурмфюреров СС с нашивками отдела спецсвязи на рукавах расстегнутых френчей, перед смертью не успевших даже вытащить оружие, так что обошлось без применения спецсредств.

Йозеф Геббельс встретил русских спецназовцев в дверях собственной спальни. В наскоро натянутых брюках и белой нижней рубашке, с растрепанными волосами имперский комиссар обороны столицы Рейха выглядел жалко. На исхудавшем, с ввалившимися щеками лице бешено сверкали безумные глаза законченного фанатика, заметные даже в зеленоватом свете приборов ночного видения. Рейхсминистр ошалело вертел головой, силясь разглядеть что-либо во тьме помещения. Неожиданно он замер, истерично выкрикнув в темноту:

– Вы не получите ни меня, ни моей семьи! – В руке главного гитлеровского идеолога тускло сверкнул пистолет. – Мы умели не только жить и бороться, но и умирать...

Негромко бухнувший «ГМ-94» выплюнул в его сторону сорокатрехмиллиметровую тупоголовую резиновую болванку, перебившую Геббельсу ключицу и отбросившую его внутрь спальни комнаты. Выбитый ударом пистолет отлетел куда-то в угол.

– Берем. Пятый, давай укол, а то еще загнется от шока. – Спецназовец споро вколол в плечо рейхсминистру шприц-тюбик с наркотическим обезболивающим. – Есть, пакуем гада.

Бойцы развернули складную конструкцию, чем-то напоминающую раздувшийся спальный мешок, укрепленный изнутри ребрами жесткости. По заверениям конструкторов одного из режимных КБ, многослойные кевларовые стенки «изделия» способны были выдержать попадание пули любого пистолета-пулемета этого времени, равно как и защитить находящегося внутри человека от осколков ручных гранат и мин небольшого калибра.

Подхватив потяжелевший «спальник-переросток» за транспортировочные лямки, бойцы двинулись в обратном направлении – встретиться с группой захвата «объекта-один» и прикрытием предстояло возле тамбура. Уже покидая помещение, один из спецназовцев оглянулся. Магда Геббельс стояла, прислонившись к дверному косяку и напряженно вглядываясь в окружающую темноту, только что поглотившую ее мужа. Боец криво усмехнулся, хоть никто и не мог видеть этой гримасы, особенно та, которой она предназначалась. Ну и ладненько, может, хоть в этом варианте истории этой твари не придет в голову с подачи муженька отравить детей и самой раскусить ампулу с цианистым калием...

А в это же время по другую сторону коридора завершалась основная часть операции «Берлинская весна». Группа захвата, пройдя через покои Евы Браун, с ходу смела сопротивление нескольких охранников, пытавшихся забаррикадироваться в кабинете фюрера и зале заседаний, и ворвалась в спальню, застав Гитлера за тщетной попыткой открыть трясущимися руками стоящий возле кровати личный сейф, где хранились ампулы с цианидом. В том, что произошло страшное и в бункере уже русские, он не сомневался. Химера железной клетки, в которой его станет возить по стране усатый кремлевский варвар, на потеху азиатским унтерменшам, встала перед внутренним взором во всей своей неприглядной и чудовищной красе...

Бросать внутрь гранату не стали, боясь, что Адольф, здоровье и зрение которого уже третий год оставляли желать лучшего, просто не перенесет мощнейшего акустического и светового удара. Луч стоящего на столе электрического фонаря давал мало света, и бывший художник-акварельщик постоянно промахивался мимо замочной скважины. Заметив ворвавшиеся в спальню фигуры, он выронил связку ключей и медленно обернулся, силясь разглядеть слезящимися глазами вошедших. Сделанного одним из неожиданных гостей движения он, разумеется,

не заметил. Что-то больно укололо в плечо, и окружающий мир сделался еще темнее. Сознание потухло, словно надежда на так и не созданное сверхоружие.

– Грузим, – бросил один из спецназовцев, протягивая товарищу уже знакомый раскладной баул, напоминающий тяжеленный полуметровый конверт. – Помоги...

– Молодцы, полторы минуты в запасе, – довольным голосом заметил Нулевой. – В прошлый раз в минус вышли, зато сейчас подтянулись. Тренировка закончена.

Под потолком вспыхнул неяркий свет, показавшийся привыкшим к мягкому свечению ПНВ людям ослепительным, и бойцы невольно зажмурились. Где-то неподалеку лязгнули запоры, и со скрипом распахнулась металлическая дверь, имитирующая аварийный выход к лестницам, ведущим в сад Рейхсканцелярии и к секретному подземному туннелю. В заполненный пороховыми газами и едким запахом сгоревшей взрывчатки полноразмерный макет гитлеровского бункера хлынул поток свежего подмосковного воздуха.

Спецназовцы, на ходу стаскивая тяжелые шлемы, один за другим выходили наружу, тут же устало опускаясь на майскую траву – «поддельный» бункер, конечно же, был выстроен вовсе не на семнадцатиметровой глубине. Но вот все остальное, включая расположение и размеры внутренних помещений, разницу в глубине залегания старой и новой частей убежища, устройство броневых дверей и даже внутреннее убранство, – в точности соответствовало историческому оригиналу. Разве что стены, пол и потолки были покрыты современным антирикошетным пулеулавливающим покрытием, защищавшим бойцов от случайных травм.

Разумеется, вместо штатных осколочных гранат использовались учебно-имитационные, снаряженные небольшим зарядом дымного пороха, а роль безосколочных выстрелов к гранатомету и светошумовых гранат «Заря» выполняли маломощные имитаторы-взрывпакеты. А вот пластик, используемый для подрыва бронированных дверей, был самым настоящим. Роль противника играли одетые в немецкую униформу манекены, расставленные в самых неожиданных местах, ответные выстрелы гитлеровцев имитировались снабженными видеокамерами устройствами с дистанционно управляемым оружием, закрепленным на специальных передвижных стендах. На лица манекенов, исполнявших роли Гитлера, Евы Браун и четы Геббельсов, во избежание путаницы, были натянуты латексные маски прототипов, пусть и не особо похожие, но все ж вполне узнаваемые.

Ну а то, что бойцы во время штурма видели внутри бункера именно настоящих эсэсовцев и реального фюрера с рейхсминистром? Работающие на пределе возможностей спецназовцы просто давно уже воспринимали реальность полигона так, словно и на самом деле находились глубоко под землей в апреле сорок пятого года...

Вообще-то планировалось, что штурмовая группа должна заходить в «фюрербункер» именно со стороны выхода в сад Имперской канцелярии, добравшись туда через секретный туннель, соединяющий его с подземельями зенитной башни «Flakturm I» и неприметным овражком огромного городского парка Тиргартен. Однако тренировки проводили и в варианте, когда штурм происходил со стороны Рейхсканцелярии через «старую» часть бункера. Этот вариант требовал большего времени на прохождение «объекта» и отличался повышенной сложностью, потому отработывался чаще.

Последним из курящегося дымом дверного проема выбрался командир группы, подполковник Трешников, он же Нулевой. Стянув с головы шлем и защищавшие слух специальные наушники с мощными аудиодемпферами, осторожно, чтобы не повредить прибор ночного видения, опустил его на траву. Отстегнул дополнительную грудную бронепластину и с удовольствием потянулся – конечно, ровно настолько, насколько это позволял сделать штурмкомплект. Провел ладонью по короткому седому ежику мокрых от пота волос и, подставив лицо ласковому весеннему солнышку, зажмурился, негромко сообщив:

– Короче, так, мужики. В норматив укладываемся, так что больше на «бункере» работать не станем. Посему слушай приказ: оружие обслужить, боеприпасы и спецсредства, у кого

остались, сдать, экипировку проверить на предмет повреждений, аккумуляторы поставить на зарядку и можете отдыхать. Сутки заслужили. А послезавтра пройдем тренировку на пленэре, на случай, ежели наша идея со штурмом через подземный туннель накроется медным тазом и придется все-таки заходить сверху, из парка Рейхсканцелярии или со стороны метро. Хоть и не хотелось бы, там только одних лестничных пролетов четыре штуки, и все узкие, заразы. Все, поехали нах хаузе.

Переступив через стелящиеся по земле силовые и оптоволоконные кабели, при помощи которых макет бункера запитывался электроэнергией, а операторы управляли оружием «противника» и получали сигнал с размещенных в ключевых точках видеокамер, Трешников первым двинулся в сторону застывших поодаль автомобилей. До расположения части был почти километр, и тащить на себе несколько десятков килограммов брони, экипировки и оружия никто не собирался.

Стоящий возле одного из микроавтобусов с тонированными стеклами человек призывно помахал рукой, и подполковник тяжело вздохнул: похоже, лично для него отдых откладывается, поскольку начальник проекта «Берлинская весна» и первый зам руководителя всей «семерки», генерал-майор Локтев, быстро его не отпустит. Жаль, небольшой отдых и горячий душ определенно бы не помешали. «Воин» – штука отличная, но и потеешь в нем, несмотря на влагопоглощающее белье, будь здоров. Не мини-сауна, конечно, но где-то близко к тому...

Глава 3

Москва, наши дни (ретроспектива)

Подполковник Трешников давно усвоил простую истину: звонящий в полвторого ночи телефон, неважно какой, хоть мобильный, хоть стационарный городской – это определенно не к добру. Нормальные люди, например, родственники, в такое время телефонировать не станут – если, конечно, не случилось чего-то вовсе уж из ряда вон выходящего. Если же лежащая на рабочем столе трубка вдруг заливается звонком, значит, произошло нечто совсем гадкое, например, срочный вызов по службе. Так и оказалось: в мембране раздался голос генерал-майора Локтева Степан Степановича:

- Спишь, поди, подполковник?
- Ну как тебе сказать, чтоб не обидеть, типа того. Пытаюсь заснуть.
- Что, снова с Любкой поцапался? Хотела завтра на фазенду выехать, а? Угадал?
- Угадал, Степаныч, хотела. Весна, мол, пора и огородом заняться, мать его через коромысло. Надоело, блин, каждый год одно и то же. Можно подумать, нам без этих ее грядок не выжить... Что так поздно-то?
- Разговор есть. Утречком, конечно, не сейчас. Сможешь к восьми подгрести?
- Смогу, суббота же, пробок особых не будет. В управление?
- Да нет, давай ко мне на хату, там и обкашляем кое-что. Добро?
- Добро... – буркнул Виктор Иванович, сбрасывая звонок. Интересно, что ж такого важного могло произойти, коль его бывший командир не только звонит в такое время, но еще и просит приехать к нему домой?

В ближайший час заснуть уже не удастся, проверено временем, так сказать. Поэтому подполковник, вздохнув, уселся за рабочий стол, подтолкнув пальцем мышку и выводя компьютер из ждущего режима. Монитор засветился, и в кабинете, где он обычно ночевал после ссор с супругой, стало немного светлее. Поколебавшись несколько секунд, от мысли сходить на кухню и подогреть чай отказался: Люба спит чутко, и если звонок мобильного в закрытом кабинете могла и не услышать, то уж хождение по квартире ее точно разбудит, что не есть хорошо. В очередной раз выслушивать обвинения в собственном неучастии в семейной жизни в виде субботней поездки на загородную дачу не хотелось.

Загрузив один из любимых новостных сайтов, сообщениям которого он более-менее доверял, бегло просмотрел заголовки. Ничего интересного, разумеется: несмотря на заявленное «ежечасное обновление в формате «двадцать четыре – триста шестьдесят пять», если что новое и появится, то не ранее утра. Ладно, не очень-то и хотелось. Зато можно спокойно посидеть пару часиков на любимом литературном или альтернативно-историческом форуме, побередить израненную двумя крайними десятилетиями душу чтением фантастических предположений о том, «как все могло бы стать здорово, если б удалось изменить прошлое». Наивно, конечно, но вот тянуло его в последние годы именно на подобные ресурсы. Возраст, наверно. Или, правильнее сказать, пришедшее с оным окончательное понимание нынешнего геостратегического мирового расклада, когда или мы нагнем, или нас нагнут, причем уже навсегда. Причем куда именно склонится в итоге чаша весов, пока, увы, окончательно не понимал даже человек его положения, уровня доступа к некоторым гостайнам и весьма специфического жизненного опыта...

Уже подведя курсор мыши к закладке «избранное», Трешников в последний миг убрал палец с левой клавиши, зацепившись взглядом за новость с достаточно дурацким, вполне в духе конца восьмидесятых – начала девяностых, заголовком: «Ученые РАН еще год назад дока-

зали возможность путешествий в прошлое, но военные это упорно скрывают». Судя по времени, новость выложили в Сеть всего пять минут назад. Странно, обычно этот ресурс до подобных сенсаций-однодневок не опускался, предпочитая куда более серьезные новости.

Мысленно ухмыльнувшись, Виктор Иванович кликнул на строку в ленте, однако надпись на перезагружившейся странице уведомила о том, что подобной страницы не существует. Клоуны, блин! Но модераторы у них, похоже, не зря зарплату получают – сайт все-таки серьезный, вот и следят, чтобы подобный бред вовремя удалялся. Ну да и хрен с ним, пойдем почитаем, что там наши дорогие «альтернативщики» за минувшие сутки понапридумывали...

* * *

Припарковав автомобиль во дворе знакомой блочной девятиэтажки, где проживал генерал-майор Локтев, подполковник выбрался наружу и только собрался нажать кнопку на брелоке сигнализации, как услышал за спиной знакомый голос:

– Не спеши, Витя, – бывший командир, как и двадцать лет назад, подобрался совершенно незаметно. А ведь перед тем, как из машины вылезать, он в зеркальце заднего вида по привычке взгляд бросил – не было никого рядом, точно не было. Вот же, блин, как в той старой песне поется, «не стареют душой ветераны»! Особенно некоторые, служащие при всем том в неких весьма серьезных государственных структурах...

– Здоров, Степаныч. Встретить решил? Так я пока старческим маразмом вроде не страдаю, нашел бы твою квартирку, не заблудился, – Трешников пожал протянутую руку. – Или?

– Или, Иваныч, вот как раз именно что «или», так что лезь обратно и крути баранку, куда скажу. Там и поговорим, в полной тишине да спокойствии.

– Ну, полная-то тишина и прочее спокойствие сам знаешь, где бывают, – буркнул слегка смущенный подобным оборотом дел подполковник, усаживаясь на водительское сиденье. Генерал, обойдя автомобиль, сел рядом, дисциплинированно защелкнув ремень безопасности. Интересно, если Локтев не хочет разговаривать ни в собственной квартире, ни в автомобиле, это что ж такое произошло? Впрочем, к чему гадать, приедут – сам и расскажет, не ради ж покатушек по городу звал.

– Кудой рулить-то, Степаныч? На «точку»?

– Угу, на «точку». Только на другую, ты о ней пока не знаешь. Давай, поехали, я покажу. Если в пробке не встанем, через полчаса будем на месте, тут не особо далеко.

Судя по тому, что от МКАД повернули на юго-запад и двинулись по практически незагруженному в этот час Калужскому шоссе, ехать предстояло куда-то в район Ватутинок, до которых, как помнил Трешников, от Кольцевой было километров пятнадцать. Однако, когда подполковник, пару раз бывавший в городке еще в восьмидесятых, завидел слева от дороги знакомые двухэтажные кирпичные дома и собрался перестроиться в другой ряд, Локтев внезапно сообщил:

– Не торопись, Витя, нам не в сам поселок, а километров на семь дальше, когда подьдем, покажу, где съезжать.

– А что там, Степаныч?

Генерал-майор пожал плечами:

– Лет тридцать пять – сорок назад была одна из наших баз, замаскированная под обычную номерную в/ч, в девяностых, сам понимаешь, стояла законсервированной, суть заброшенной. Местные ее, разумеется, порядком «расконсервировали», растащив, что можно и до чего ручки шаловливые дотянулись, кое-где даже металлические двери вместе с коробками посрезали, заразы. Про медные провода и прочий цветмет я и вовсе молчу, под ноль подчистили. Правда, о том, что там еще и подземный бункер имелся, они так и не узнали. Ну а несколько лет назад было решено развернуть на старом месте новый секретный научно-исследователь-

ский и тренировочный центр. На самом верху, что характерно, решено, да и финансирование нам выделили... ну, скажем так, не самое плохое. Ты ж про отдел «семь», насколько понимаю, ничего не знаешь?

Настала очередь Трешникова пожимать плечами:

– Да вроде нет... Могу только с твоих слов предположить, что, ежели центр научно-исследовательский, да еще и секретный, то и занимается он чем-то соответствующим. Вот только непонятно, ты-то тут каким боком оказался, а, товарищ генерал? Мы ж с тобой всю жизнь несколько иным занимались, разве нет? Как начали тогда в Грозном, так и не останавливались почти.

– Каким боком? Хороший вопрос. Ну и ответ тоже неплохим окажется, гарантирую, так что погоди немного, и узнаешь. Вон лесок видишь? Там с шоссе и съездом, смотри, мимо не проскочи, как знак увидишь, сразу сворачивай.

Принадлежащий непонятной «семерке» центр, с точки зрения подполковника, ничего особенного собой не представлял. Типовой проект советского еще образца: дома офицерского состава, казарма, столовая с пищеблоком, автопарк, обязательный плац и спортгородок – повидал за время службы подобные воинские части. Здания после разрухи девяностых, конечно, отремонтировали и частично перестроили, территорию облагородили, но в целом все осталось, как и было.

– Не впечатляет? – отчего-то удовлетворенно хмыкнул Локтев. – Так на то и расчет. Вон туда подъезжай, к двухэтажке. Дальше пешочком, поскольку в лифт твоя лайба всяко не влезет. Держи, кстати, – он протянул товарищу электронную карточку-пропуск с клипсой для крепления на одежду. – Смотри, не потеряй, потом отписываться задолбаешься. Через месяц получишь новую, а эту сдашь под роспись.

На входе в указанное двухэтажное здание у них снова проверили документы, причем у обоих и не менее тщательно, нежели на КПП при въезде на территорию. Проверка оказалась отнюдь не формальной: пока один из дежурных придирчиво изучал документы и сканировал пропуска, сверяясь с выводимыми на компьютерный монитор данными, второй боец ненавязчиво контролировал ситуацию, вроде бы случайно держа правую руку в непосредственной близости от рукоятки висевшего на плече компактного пистолета-пулемета с откинутым в боевое положение прикладом. Приглядевшись, Трешников заметил, что переводчик опущен в положение для стрельбы одиночными. Гм, интересно, что ж за исследовательский центр тут расположен, коль даже генерал-майора проверяют, словно впервые видят, да еще и стрелять готовы? А ведь он, между прочим, зайдя в здание, с обоими поздоровался по именам, словно со старыми знакомцами...

Спустившись на новеньком грузопассажирском лифте под землю (судя по скорости спуска, никак не меньше, чем на десятиметровую глубину), офицеры вышли в освещенный мягким светом потолочных люминесцентных панелей коридор с рядом самых обычных металлопластиковых дверей по обе стороны. Заметив удивленный взгляд товарища, Локтев с усмешкой в голосе сообщил:

– Подполковник, а ты чего, собственно, ожидал? Что я тебя в старое бомбоубежище с ржавыми дверями веду? Так тут и раньше отнюдь не простой бункер был, а центр спецсвязи, ну а уж после реконструкции и подавно, сам видишь. Под нами, – он топнул по покрытому глушащим шагами покрытием полу, – еще один уровень имеется, там всякие технические помещения, резервные электрогенераторы, системы вентиляции, насосные и серверные, так что полная автономность комплекса в течение месяца гарантирована. А основной научный блок здесь. Если пафосно говорить, то мы в самом сердце этой самой «семерки».

– А наверху? Просто прикрытие?

– Ну, отчего сразу «просто». Там гарнизон охраны, автопарк, клуб с магазином, всякие вспомогательные службы, так что все по-честному, ни один шпиль не придерется. Жилые дома

наших высоколобых опять же, не в подземелье же им обитать. Собственно, база так и осталась на балансе родного Минобороны, просто специализация да уровень секретности изменились. Заходи, пришли мы.

Остановившись возле одной из дверей, генерал провел пропуском по считывающему устройству и, дождавшись зеленого сигнала, посторонился, пропуская товарища. Зашел следом, по-хозяйски без промаха нащупав в темноте настенный выключатель. Негромко чавкнув уплотнителем, дверь закрылась.

– Ну вот, собственно, и моя скромная обитель, – не без гордости сообщил Локтев. – Проходи, падай, где удобно. Разговор, полагаю, долгим будет.

Подполковник не без интереса оглядел помещение. Кабинет старого товарища и бывшего командира оказался не особенно просторным, но вполне уютным. Большой стол с компьютерным монитором на поверхности, под прямым углом к нему – еще один, видимо, для подчиненных. Несколько удобных кресел. Вдоль одной из стен – небольшой диванчик, вдоль другой – высокий, под самый потолок офисный шкаф для документов с наполовину застекленными дверцами. Стекла, что характерно, затемненные, внутри ничего не разглядишь. Рядом с ним ведущая в смежную комнату дверь, на сей раз самая обычная, без электронного замка. Короче говоря, кабинет как кабинет, вот только окон – или хотя бы их имитации – не хватает, что сразу напоминает о нависших над головой многих метрах железобетона и грунта.

– Нравится? Там, за дверью, комната отдыха и санузел, так что, если потребность ощущаешь, можешь посетить.

– Спасибо, Степаныч, пока не ощущаю, так что можешь приступать к разговору. Надеюсь, все не настолько страшно, чтобы мне вдруг сразу по большому захотелось?

– Хохмишь, Витя? Это радует. Да сядь ты, расслабься. Сейчас по кофейку под неплохой коньячок вмажем да и поговорим. Или ну его на фиг, тот кофеек, пожалуй, одним коньячком обойдемся? А пока, на-ка вот, изучи вдумчиво, да подпиши. – Локтев извлек из ящика стола официального вида бланк с соответствующей гербовой «шапкой», подтолкнул по столешнице. Подполковник прихлопнул ладонью скользнувший по поверхности лист, сразу же зацепившись взглядом за незнакомый знак в виде песочных часов.

– Впрочем, подписка стандартная, можешь и не читать. Ручка вон, на столе лежит. Да, и сразу говорю: тебе я доверяю полностью, и не потому, что столько лет вместе служили, но и оттого, что в бою тебя видел, и не раз. Но без этой бумаженции я тебе не то что и полслова не скажу, но и... – Степан Степанович на миг все же запнулся, смущенно кашлянув, но договорил твердым голосом:

– Но и выпустить отсюда теперь по большому счету права не имею.

Пожав плечами, Трешников молча пробежал глазами текст подписки о неразглашении. Тому факту, что вписывать свои данные нужды не было – все соответствующие графы оказались заполнены заранее, – он несколько не удивился, разборчиво расписавшись внизу. Похоже, это как раз тот случай, когда все решили за него... что ж, значит, так тому и быть. Самое обычное «предложение, от которого невозможно отказаться», угу. Без меня меня женили, одним словом. С другой стороны, не доверять старому товарищу поводов не имелось, да и просто интересно, если честно.

– Подписал? – Локтев выставил на столешницу бутылку коньяка, две рюмки и широкую тарелку с заранее приготовленной легкой закуской. Похоже, и на самом деле не сомневался в согласии подполковника. Придирчиво изучив подпись, он спрятал документ обратно в ящик и уселся в кресло напротив товарища. – Вот и ладненько. Так что, по капелюшке за встречу? Конечно, коньяк с утра глушить не слишком правильно, но придется. Нас с тобой трудности ведь никогда не пугали, верно, подпол? Через полчасака принесут перекусить, ты ж, я так полагаю, особо не завтракал, а пока поговорим. Вопросов нет?

– Только один. Там, на бланке, знак был непонятный – песочные часы. Это что еще такое? Почему именно часы?

– Глазастый, молодец, – одобрительно усмехнулся генерал-майор. – Это, Витя, как раз и есть официальная эмблема нашего отдела. А почему часы? Вот ты как считаешь, чем песочные часы отличаются от всех остальных?

– Ну, если подумать, то кукушкой, – с абсолютно серьезным выражением лица ответил подполковник. – Некуда ее, заразу, туда впихнуть. Да и с гирями та же проблема. А часики без кукушки, сам понимаешь, смех один. Сушая профанация.

Услышав ответ, Локтев едва не пролил коньяк, однако мгновенно взял себя в руки, и на столешницу не попало ни одной капли янтарной жидкости:

– Да, Иваныч, а ты, как я вижу, несколько не изменился, все те же идиотские шутки. Ладно, давай за встречу и родную службу. – Степан Степанович первым поднес к губам рюмку, подавая пример.

Дождавшись, пока товарищ выпьет, забросил в рот ломтик сыра, как ни в чем не бывало продолжив:

– А песочные часы, Витя, в данном контексте символизируют обратимость течения времени. Пока песок пересыпается из первой колбы во вторую, время, допустим, течет, как ему и положено, из прошлого в будущее. А вот если мы часики перевернем, то и знак времени поменяется, и потечет оно, образно говоря, в противоположном, суть обратном, направлении. Вот так-то!

– И что? – Трешников предпочел закусить посыпанной сахаром лимонной долькой. – При чем тут Минобороны, военная разведка и тем более спецназ ГРУ? Нет, сказочка про часики красивая, я оценил. Прямо-таки восточная притча. Но мы-то тут каким боком?

– А таким, товарищ подполковник, что никакая это не сказочка. Погоди, все вопросы после, а сейчас я тебе вкратце обрисую, чем мы тут занимаемся и для чего все это нужно...

На лице подполковника одновременно отразилось столько разнообразных, а порой и противоречивых эмоций, что Локтев не удержался от смеха:

– Ну да, Витя, ты все верно понял, путешествия во времени возможны, это, как говорится, доказанный и даже проверенный практикой научный факт. Чего кривишься?

– Да вот прямо сегодня ночью на одном сайте видел нечто подобное, мол, российские ученые научились перемещаться в прошлое, да только злыдни-военные, как водится, все засекретили... я-то посмеялся, а теперь выходит, зря?

– Зря, – без тени улыбки кивнул собеседник. – Ну а сообщения в Сети? У нас целый компьютерный отдел за подобным следит, некоторые просто удаляют или обращают в «утку», высмеивая от лица видных отечественных ученых, а часть отдают в разработку службе безопасности, чтобы проверили, кто написал, с какой целью, да откуда информацию взял. Мы ведь не сразу все материалы себе забрали и наглухо засекретили: те ребятки, что феномен темпоральных погружений открыли, успели разок свою установку запустить, вот порой прошлое и вылезает, уж прости за несколько двусмысленный каламбур. А мы эти ниточки потихоньку распутываем да аккуратненько и обрубам. Все, подполковник, на этом прелюдия, считай, закончилась, теперь слушай по существу...

– Вот такие наши дела, полковник, – спустя почти полтора часа резюмировал Локтев, разливая по рюмкам остатки коньяка. – Документы я тебе сбросил на флешку, пароль дам, дома вдумчиво изучишь еще раз. Только на свой комп не копируй, там защита серьезная, тут же отформатируется, и не только она одна. Ну а по основному вопросу? Подбирай ребят, формируй группу, начинайте боевое слаживание и проработку тренировок. Крайне желательно, чтобы хоть треть, а лучше – половина бойцов имела опыт городских боев, так что, если кого из наших возьмешь, с кем мы в девяносто четвертом начинали, совсем здорово. И языки подтя-

гивайте, без этого никак. Немецкий и английский – в обязательном порядке, дальше поглядим, как карта ляжет.

– Сколько у меня времени? – деловито спросил Трешников, проигнорировав упоминание о языках, но зарубочку в памяти сделал – немецкий и английский, значит? Очень интересный подбор, очень...

– Время пока есть, так что сроки особенно не жмут, – уклончиво ответил генерал-майор. И, помолчав несколько секунд, неожиданно все же конкретизировал:

– Около двух лет примерно, раньше мы не будем готовы запустить новую установку. Вот на это и рассчитывай.

– Новую? Значит, имелась и старая?

– Не цепляйся к словам, Витя... – чуть раздраженно буркнул генерал-майор, похоже, мысленно выругавший себя за то, что сказал нечто лишнее. – Потом расскажу.

– Ладно. Мои полномочия?

– В качестве командира группы – абсолютные. Подбор бойцов, оружия, спецсредств, амуниции, разработка тактических схем и все такое прочее – можешь распоряжаться самолично и менять, что захочешь. Но для начала нужно утвердить состав отряда. Сколько тебе времени нужно?

– За неделю справлюсь, – подумав, ответил Трешников. – Барсука и Ленивого точно возьму, мы вместе и в Грозном воевали, и после. Еще парочка ребят на примете есть, все с опытом городских боев, как ты и просил. Вот с ними и посоветуюсь насчет остальных – офицеры опытные, в людях разбираются, так что подберем достойных, не переживай.

– А я и не переживаю, – хитро улыбнулся Локтев. – Если б переживал и сомневался, хрен бы ты тут со мной коньяк трескал. Ну так что, Иваныч? Начинаем работать?

– Угу...

– Что-то трудового энтузиазма в голосе не ощущается.

– Да какой тут, в задницу, энтузиазм! – буркнул подполковник. – Слишком много новой информации. Еще пару часов назад я считал путешествия во времени исключительно выдуманной фантастикой – причем не самой серьезной, в духе Алисы и робота Вертера из того детского фильма. Честное слово, Степаныч, мне в существование какого-нибудь там гиперпространственного двигателя и карманного бластера проще поверить, чем в это! Ну, или в то, что в тринадцатом над Челябинском наши ПВО таки сбили инопланетную летающую тарелку некой суперсекретной гиперзвуковой ракетой...

– А с чего ты взял, что и не сбили? Не мой уровень доступа, я ж не президент и не министр обороны... Да шучу я, шучу, не напрягайся. Что же до твоего состояния? Прекрасно понимаю, сам такой был, когда впервые узнал. Но что поделать, пришлось поверить, а дальше, когда вник да в вопросе разобрался, уже проще стало. Ладно, давай на посошок, и дуй домой, тебя отвезут, я распорядился. Там и обдумай все спокойненько, прикинь, что да как, с ребятами своими обсуди. Позвонишь, как будешь готов. И вот еще что: прекрасно помню, что для тебя количество звезд на плечах отнюдь не самоцель и служишь ты не за званья, но если все пройдет гладко, можешь и погоны без просветов получить. Может, и мелочь, но, согласись, приятная, особенно перед пенсией. И Любка твоя обрадуется, глядишь, и перестанет фазендой доставать.

– Даже так?

– Именно так. Между прочим, намек с самого верха пришел, – Локтев коротко дернул подбородком в сторону потолка. – Так что имей в виду.

– Обязательно. Что имею, то и введу. Разрешите?

– Вали уж, юморист. Лифт, кстати, вызывается пропуском. Жду звонка, Витя...

Сон в эту ночь, несмотря на принятые под недовольное бухтение супруги полтора грамма коньяка, не шел. Поворочавшись с час и убедившись, что Любка заснула, Трешников

осторожно, чтобы ненароком не разбудить жену, поднялся с кровати и босиком прошлепал в кабинет. И уже там, присев на край старенького дивана, поприветствовавшего хозяина негромким скрипом пружин, неожиданно выругал самого себя:

«Ну и какого, собственно, хрена ты рефлексуешь, словно курсант-первокурсник перед первым зачетом или после первого залета? Да, задание необычное, прямо скажем, самое необычное за всю жизнь, и что с того? И не из таких переделок выбирался и пацанов вытаскивал...»

И вот тут на него, что называется, накатило. Откуда-то из глубин собственного разума прорвалось то, что до сего момента всеми силами глушило подсознание, уберегая от сумасшествия. В краткий миг перед внутренним взором вдруг пронесли сюжеты множества «попаданческих» фантастических романов, читанных им за последние годы, герои которых тем или иным способом изменяли прошлое в более благоприятную для Родины сторону.

И вместо очередной порции произнесенной вслух самокритики подполковник неожиданно пораженно пробормотал себе под нос:

– Твою мать, так это что же получается?! Теперь мы действительно сможем что-то изменить и переиграть, послав к хренам собачьим нынешнюю геополитику вместе с теми, кто ее вот уже которое десятилетие творит при помощи гуманитарных бомбардировок и «цветных» революций? А ведь и на самом деле, ведь сможем! Но... – Виктор Иванович на несколько секунд задумался, глядя в темное ночное окно, по-летнему времени наполовину приоткрытое:

– Но отчего же тогда сорок пятый год?! Что можно изменить за несколько дней до Победы? Или старый хитрец Локтев, как уже не раз бывало в прошлом, довел до меня лишь «минимально необходимый» объем информации? И все равно странно... может, позвонить Степанычу, спросить? Нет, глупости, поздно, да и не станет он о подобном по телефону говорить. Ладно, утром подумаем, как поступить...

* * *

Официантка летней кафешки Леночка была откровенно разочарована: трое посетителей оказались абсолютно бесперспективными клиентами. Заказали по пиву под легкую закуску, и вот уже полчаса просто разговаривают, не опустошив бокалы даже наполовину! А ведь, когда они только уселись за столик, решила, что повезло: все трое подтянутые, спортивного вида, да и одеты не бедно. Возраст тоже подходящий, одному немного за сорок, другим – около того, для мужика – самое оно. Такие, как правило, и заказывают много, и сидят долго, с водочкой и горячим, и на чаевые не скупятся. Правда, порой пристают, если перепьют, ну так на это охрана и тревожная кнопка имеется. И вдруг такой облом... Пыталась было послушать, о чем говорят, но все трое мгновенно замолкали, стоило девушке подойти к столику ближе чем на пять метров. В конце концов официантка смирилась, со вздохом усевшись возле барной стойки – других посетителей в кафе не было – день будний, утро, народ на работе. Бармен понимающе ухмыльнулся, шутливо развел руками: мол, не судьба, и потопал в сторону кухни...

– Это ж сколько мы не виделись, а, мужики? – Трешников поднял бокал.

Товарищи звякнули толстостенными пивными посудинами в ответ:

– Долго, командир, лет семь, – улыбнулся майор Михаил Барсуков. – Верно говорю, Сашка?

– Точно, Барсук, семь, – сделав небольшой глоток, кивнул еще один майор, Александр Ленивецев. – Как сам-то, командир?

– Нормально, ребята, – отмахнулся тот. – Не о том речь. Будет время, посидим за нормальным пузырьком, потреплемся о прошлом. Сейчас же предлагаю кота за причиндалы не тянуть, ибо животинку жалко, и сразу перейти к делу. Подробности пока никаких озвучивать не стану, просто спрошу: место службы сменить не желаете?

– На штабную работу зовешь, командир? – задумчиво протянул Барсуков, аккуратно ставя бокал на картонный кружок с круглым влажным отпечатком – пиво в кафе было достаточно холодным, и стенки посуды покрылись каплями конденсата. – Типа, к тебе под крыльшко? Если так, то не особо, а, Ленивый?

– Угу, – лаконично согласился товарищ. – Извини, Витя, но не тянет что-то. Ну не мое это, в управлении штаны просиживать. Понимаю, что возраст; что не мальчик уже, но куда я от своих пацанов денусь? Ностальгия ж замучает, с прочими комплексами. Я ж, товарищ подполковник, боевик до мозга костей, заберут автомат – точно свихнусь.

– Разогнались! – довольно осклабился Трешников, примерно такого ответа и ожидавший. – И где я сказал насчет штанов? Не, мужики, я предлагаю именно такую работку, где стрелять и гранатами швыряться, боюсь, придется даже больше, чем раньше. И риск, вполне может стать, окажется посерьезней. А заниматься вы будете в принципе тем же самым, чем последние двадцать лет и занимались. Интересно?

Быстро переглянувшись, оба спецназовца синхронно кивнули.

– Ну так я и не сомневался, – подполковник хитро усмехнулся. – Допивайте пивасик да поехали. Подробности позже будут.

– Ты б хоть намекнул? Стоящее хоть дело?

– Намекну. Когда кое-что подпишете. А пока ехать будем, еще раз подумайте, точно ли согласны. Сразу предупреждаю, хоть формально и останетесь в составе родной непобедимой и легендарной, возврата к прежней службе уже не будет. Вообще! Но дело стоящее, честное слово.

– Командир, что за ужасики в духе девяностых? – поморщился Барсуков. – «Вход рубль, выход – два», блин! Можно подумать, мы с тобой и так не в военной разведке все эти годы горбатились. На каждом из нас тех подписок, как гильзача на стрельбище.

– Вот и считай, Мишка, что это будет твоя последняя подписка.

– Крайняя... – автоматически поправил спецназовец.

– А вот и нет, майор, – хмыкнул Трешников, – именно что «последняя». Поскольку, парни, уровня секретности для таких, как мы, выше просто нет.

Поглядев на ошарашенные лица боевых товарищей, он открыто улыбнулся «во все тридцать два», многих из которых уже давненько недоставало, состроив следом жуткую гримасу:

– Так что, ежели не согласитесь, мне придется вас зачистить, мужики. Не самому, разумеется... да шучу, не напрягайтесь уж так, совсем официантку перепугаете. А от кружки, Сашок, я, кстати, увернусь, не настолько сноровку потерял, штаны в управлении просиживая, – подколол он товарища, вернув произнесенную тем фразу.

– Все, отставить хохмочки, поехали, – бросив на стол несколько купюр, Трешников первым поднялся на ноги. – Кстати, пока будем на метро кататься, можете еще пораскинуть мозгами относительно того, кого из своих бойцов стоит взять в формирующийся отряд. По трое с рыла будет в самый раз. Ну, плюс-минус пару человек, разумеется, с учетом отсева в ходе тренировок...

Торопливо подойдя к столику и пересчитав оставленные деньги – странные они все-таки, неужели кинули, ведь даже счет не просили?! – официантка Леночка заметно воспрянула духом, украдкой сунув несколько банкнот в карман форменного передника. Как ни странно, в своих недавних мрачных прогнозах она ошиблась, и чаевых ей оставили в лучших традициях шумных компаний. Значит, повезло, смена началась не столь и плохо...

Интерлюдия

За несколько лет до описываемых событий / Мюнхен, 8 ноября 1940 года

Одетый и подстриженный по последней немецкой моде молодой человек склонился к уху стоящего рядом с ним товарища и негромко, чтобы случайно не расслышал никто из окружающих немцев, прошептал по-русски, сделав вид, что поправляет кепку:

– Ты готов? Не передумал? Я и не думал, что соберется столько народа, боюсь, уйти будет сложновато, если вообще возможно...

– Да готов, Коля, готов. А что людей много, нам только на руку. Психология толпы – жуткое дело, сам ведь знаешь. В любом случае возникнет неслабая паника и неразбериха, вот она-то и поможет нам смыться по-тихому. Главное, чтобы ребята не подкачали, вовремя шумовухи бросили. Хотя, конечно, ты прав, риск очень велик, уж больно полиции и гестаповцев много.

– Хорошо хоть до портативных металлодетекторов в этом времени еще не додумались, – с кислым выражением лица шепнул в ответ товарищ. – Иначе нас со стволами еще за квартал отсюда оприходовали бы, прямо на пропускном пункте. Ох, и перепугался я тогда, думал, все, спалились!

– Да уж, было дело, сам едва в штаны не наложил, – понимающе усмехнулся кончиками губ собеседник, перед мысленным взором которого прокрутилось недавнее воспоминание. Когда их четверка подошла по Дахауэрштрассе к площади Штигльмайерплац, где располагалась знаменитая пивная «Löwenbräukeller», в которой Адольф Гитлер в течение нескольких лет отмечал с соратниками по партии годовщину «пивного путча», оказалось, что путь перекрыт полицией и сотрудниками «Geheime Staatspolizei»⁵ в штатском, на виду оружия не носящих. Впрочем, замершие неподалеку здоровяки в парадной форме СС были вполне так себе вооружены, причем исключительно автоматами. Но обошлось: несмотря на предпринятую в тридцать девятом столяром Эльзером попытку убить фюрера самодельной бомбой в пивном зале «Bürgerbräukeller», где тот заседал с товарищами перед началом ноябрьского переворота двадцать третьего года, досмотр был достаточно поверхностным, людей лишь заставляли предъявить документы и бегло обыскивали на предмет оружия. Ожидавшие чего-то подобного парни спрятали пистолеты и светошумовые гранаты за спиной, закрепив на специальных ремнях между лопаток. Уловка вполне удалась, и гитлеровцы беспрепятственно пропустили гостей из далекого будущего на площадь.

С оружием, правда, вышло не слишком хорошо: в своем времени удалось раздобыть, не привлекая большого внимания, только парочку «ПМ», один старенький, еще довоенного выпуска, «токарев» и три светошумовых «Зари-2». С другой стороны, открывшие феномен временно-пространственных перемещений молодые ученые, хоть и не имели особой подготовки, кроме военной кафедры в университете, прекрасно понимали, что у них будет время сделать не более чем по три-четыре выстрела. Года выпуска с корпусов послевоенных пистолетов, разумеется, сбили – если что-то пойдет не по плану, никто не должен узнать, что оружие произведено в пятидесятых годах. А заодно ликвидировали и звезды на щечках рукоятей.

«Огневая группа», которая и собиралась ликвидировать Гитлера, вооружилась двумя пистолетами Макарова поновее; группа прикрытия после первых выстрелов должна была подстраховывать товарищей и бросить «Зори», усиливая панику, после чего немедленно уходить, по возможности помогая товарищам. В конце концов, в этом времени никто еще не слышал о нелетальных спецсредствах для разгона демонстрантов (от идеи воспользоваться осколоч-

⁵ Государственная тайная полиция, сокращенно – гестапо.

ными гранатами отказались сразу, поскольку основную массу пришедших лицезреть обожаемого «отца нации» составляли простые мюнхенцы), так что оглушительные взрывы наверняка воспримут, как смертельную опасность. О том, что в неминуемо возникшей давке погибнут как раз самые слабые, никто из обуянных идеей изменить ход истории, как это зачастую и случается, не подумал. Увы, но от порывов прекраснодушных радетелей о всеобщем счастье в человеческой истории погибло едва ли не больше людей, нежели от действий циничных убийц-профессионалов, ибо благими намерениями, как известно, выложена дорога в весьма мрачное место...

– Едет... – обреченным голосом шепнул первый из боевиков, ощутив, как предательски скользит во внезапно вспотевшей ладони рукоять «макарки», переложенного в карман теплой – поздняя осень в баварской столице выдалась достаточно холодной – куртки.

– Вижу. Все, готовность, расходимся, вон, там просвет образовался. Как выползет из машины, гадина, стреляем сразу, – второй взвел тугое ребристое колесико курка. Патроны, разумеется, загнали в ствол заранее – не самовзводом же стрелять? Уж на это их скудных знаний хватало, да и несколько занятий с инструктором в платном тире помогли.

Сияющий никелем и хромом темно-синий бронированный «Мерседес-770» с натянутыми на проволочный каркас нацистскими флажками над передними крыльями плавно притормозил метрах в десяти от толпы. Следом остановились машины эскорта – то ли с охраной, то ли с соратниками фюрера по прошлым событиям, ежегодно отмечаемым им восьмого ноября. Толпа возбужденно заревела, неистово замахав сотнями сжимаемых в руках флажков. Те, кто загодя не озаботился приобретением в специализированном магазине государственной символики, сорвали с голов шапки, размахивая ими. Многие женщины, до сего момента казавшиеся вполне адекватными и нордически-флегматичными, сейчас словно впали в некий спонтанный экстаз, вскидывая вверх руки в позаимствованном у римлян приветствии, или бросая в стволу фюрера букеты поздних осенних цветов, большей частью рассыпающиеся еще в полете.

Старательно подыгрывающий толпе первый номер медленно потянул из кармана руку с зажатым пистолетом. Бросив на товарища короткий взгляд, второй опустил флажок, которым перед тем с упоением тряс над головой, и сделал то же самое. Красная с белым кругом и черной свастикой по центру тряпица скользнула меж разжавшимися пальцами, спикировав куда-то под ноги, прямо на грязную после недавнего дождя брусчатку, тут же попав под подошву чьего-то ботинка.

Подскочивший адъютант распахнул пассажирскую дверцу и отступил в сторону, вытянувшись по стойке «смирно», и из салона пятитонного лимузина тяжело выбрался Адольф Шикльгрубер в расстегнутом форменном кожаном плаще. Едва выбравшись из авто, он помахал собравшимся знакомой по кинохронике фуражкой с высокой тульей, которую до того держал в руке, вызвав новый вал приветственных криков и оваций.

«Пора», – отрешенно подумал один из гостей из будущего, выдергивая из кармана куртки руку с пистолетом. Отработанный, как казалось, до полного автоматизма жест вышел смазанным, в последний момент «ПМ», зараза, зацепился мушкой за подкладку. И все же стрелок справился и вытянул руку, выжимая слабины и ловя в неистово подпрыгивающий прицел голову Гитлера. В этот момент стоящая перед ним и чуть сбоку молодая немка, до сего момента упоенно орущая вместе со всеми, вдруг резко развернулась в его сторону, вполне профессионально подбив руку с пистолетом. Парень рефлекторно добавил спуск, и задранный в свинцовое осеннее небо кургузый ствол «пээма» окрасился пламенем выстрела, показавшегося в окружающем оре все не громким.

На миг их взгляды встретились: чуть прищуренные серо-стальные глаза женщины оказались холодными, словно лед, и ничуть не ошарашенными происходящим, и он неожиданно понял, что все пропало. Возможно, с самого начала следили именно за ними; или контролирующие толпу агенты случайно оказались рядом – сути это не меняло. Немка, между тем, заучен-

ным жестом перехватила руку с пистолетом за запястье, заламывая ее, и нанесла короткий удар под дых, разом выбивший из легких воздух. Единственное, что он успел сделать, падая на мостовую, это чуть повернуть сжатую неожиданно сильными для женщины пальцами кисть и выстрелить еще раз. Пуля попала гестаповке в живот, и та рефлекторно выпустила руку парня, позволив ему выстрелить в третий и последний раз. Гитлеровцы не должны узнать, кто они и откуда. И уж тем паче никто не должен найти вход в подвал, где расположен ожидающий возвращения своих пассажиров темпоральный портал. Торопливо прижав ствол к груди, он нажал на спуск...

Второму стрелку повезло немногим больше: услышав выстрел товарища, он успел пальнуть пару раз, прежде чем на него набросились стоящие рядом зрители, мгновенно повалив на землю. Выстрелы не принесли Гитлеру никакого вреда – первая пуля прошла значительно выше, вторая чиркнула, уйдя в рикошет, по лакированной крыше лимузина в метре от фюрера, которого охрана уже торопливо заталкивала обратно в защищенный броней салон. К тому моменту, когда сквозь толпу пробился, размахивая пистолетом в одной руке и удостоверением в другой, гестаповец в сопровождении двух полицейских, он был уже мертв. Разъяренные покушением на обожаемого фюрера мюнхенцы буквально растерзали его, свершив короткий и страшный самосуд.

В этот миг взорвалась первая «Заря», брошенная услышавшим выстрелы боевиком группы прикрытия. Но и тут неопытных в подобных делах путешественников во времени ждала неудача: безосколочная граната с пластиковым корпусом, ударившись о брусчатку, отскочила, закатившись под днище припаркованного у бровки мостовой автомобиля, где и взорвалась, никому не причинив вреда. Вторая же не сработала вовсе – детонатор оказался бракованным, и предохранительный рычаг не освободил ударник. Парень рванул из кармана пистолет, однако воспользоваться оружием уже не успел: пришедшая в себя гитлеровская охрана изрешетила его, заодно ранив и нескольких стоящих рядом горожан.

Единственным, кому удалось уцелеть, вырвавшись из смертельной западни, в которую превратилась заполненная людьми площадь, оказался четвертый, и последний, член группы, просто не успевший использовать свою гранату. Вовремя осознав, что акция провалилась, он выстрелил в проталкивающегося сквозь толпу агента Geheime Staatspolizei. Помнящий пока еще не начавшуюся войну легендарный «ГТ» не подвел, и гестаповец завалился на мостовую с аккуратной дыркой посреди лба, – он бросился прочь с площади, расталкивая ошарашенных бюргеров. Свернув в узкую боковую улочку, сорвал с «Зари» чеку и дальше бежал, зажав взведенную гранату в руке.

Следом, разумеется, рванулись преследовали, однако парню повезло: когда погоня почти догнала его, он уже свернул в знакомую арку, швырнув «Зарю» за спину. Ослепительная вспышка и многократно усиленный каменной аркой акустический удар дезориентировали немцев на несколько спасительных секунд, которых беглецу хватило, чтобы нырнуть в подвал, задвинув засов на металлической двери. Запихнув в карман ненужный более пистолет, он подхватил спрятанный в стенной нише пульт управления контуром портала и торопливо набрал код активации. За прошедшие сутки аккумулятор не разрядился даже на треть, и на поверхности прибора сразу загорелись контрольные огоньки.

Пятнадцать секунд... двенадцать... десять... парень торопливо облизал пересохшие, ставшие шершавыми, словно наждак, губы, не отводя взгляда от неторопливо удлиняющегося индикатора готовности заряда. Ну же, скорей! Почему так медленно!..

Дзынькнуло, рассыпавшись от удара, много лет немытое и оттого ставшее почти непрозрачным стекло подвального оконца. В светлом прямоугольнике появился контур головы в форменном кепи: кто-то из преследователей пытался разглядеть его в погруженном в едва различимую наружным светом темноту помещении. И одновременно дверь задрожала от мощных ударов – лупили не жалея, со всей дури, как минимум прикладами карабинов, а то и чем

потяжелее. Быстро же его нашли – впрочем, чему удивляться, из арки ведут всего два входа, один наверх, на лестницу, второй в подвал.

Наконец индикатор трижды ободряюще мигнул, засветившись ровным зеленым светом: готово. Облегченно выдохнув – а ведь, похоже, до того и вовсе не дышал! – парень аккуратно ввел на сенсорной клавиатуре буквенно-цифровой пароль, завершив операцию нажатием подсвеченной мигающим синим контуром клавиши «старт». Все, опоздали фрицы! Он дома! Хрен вам на рыло!

– Oh Scheiße! Die, schwein!⁶ – непонятно, что именно рассмотрел в полутьме подвала роттенфюрер СС Курт Шнитке, но стрелять он решил сразу. Уж больно хотелось получить на воротник вождевленную унтеровскую «розетку», первую в жизни. Со стороны окошка полыхнули вспышки выстрелов, и последний уцелевший «попаданец» дважды пальнул в ответ из «ТТ». Дальнейшее произошло практически мгновенно. Центральную часть подвала окутало переливающееся перламутровое сияние, и стоящий посреди заполненного всяким хламом, многие годы спускаемым в подвал жильцами, помещения человек внезапно исчез. А на улице, коротко вскрикнув, опрокинулся навзничь, заливая древнюю брусчатку кровью из пробитой пулей глазницы, несостоявшийся унтершарфюрер.

Спустя еще одно мгновение – и семьдесят пять лет, – в далеком будущем со стоном опустился на пол лаборатории молодой парень, одетый и подстриженный по последней немецкой моде начала сороковых годов прошлого века, зажимающий ладонью окровавленную грудь. С трудом поднявшись на ноги, он, шатаясь из стороны в сторону, сделал несколько шагов, стремясь успеть выбраться из задымленного помещения. Навеки оставшийся в прошлом аспирант Коля Полнев оказался прав: установка, собранная «в инициативном порядке», то бишь своими силами и из отработавших свое комплектующих, все-таки не выдержала нагрузки. И если он не успеет...

Успел. Рвануло, едва не вынеся наружу дверь лаборатории, только лишь спустя полминуты. Руслан Рябченко – так звали единственного уцелевшего участника неудавшегося покушения – обессиленно сполз по стене погрузившегося в темноту коридора. В лабораторном блоке сработала автоматическая система пожаротушения, заполняя помещение инертным газом, так что пожара можно было не опасаться. Теперь оставалось надеяться, что получившие сигнал о возгорании спасатели успеют вовремя, поскольку сам себе он помощь оказать не мог: не согласованный с руководством опасный эксперимент проводился глубокой ночью, и в пятиэтажном здании «номерного» НИИ не было никого, кроме старенького охранника, сейчас уже наверняка смотрящего десятый сон. А крови он, судя по всему, потерял немало: рубашка справа уже вся потемнела и неприятно липла к коже, сильно кружилась голова, а по всему телу расплзалась противная слабость. И еще невероятно хотелось спать.

Ох, но как же жаль, что им не удалось переиграть историю и остановить гитлеровское нападение на Советский Союз! Какие ребята зря погибли...

С этой мыслью старший научный сотрудник Рябченко окончательно потерял сознание, придя в себя только в палате интенсивной терапии Института имени Склифосовского, куда его доставила вызванная пожарными карета «Скорой медицинской помощи»...

* * *

– Ну теперь понял, Витя? – завершив рассказ, осведомился Локтев. – Думаешь, когда меня в подробности посвящали, я первым делом не спросил, отчего не попытаться добраться до Адольфа до того, как он на нас напал? Еще как спросил. И узнал то, о чем сейчас тебе рассказал. Эти наши молодые дарования в тот момент, когда свою операцию планировали и

⁶ Вот дерьмо! Умри, свинья! (нем.).

проводили, просто еще не знали, что по законам пространства-времени повторная попытка отправиться снова в ту же точку невозможна в течение как минимум трех-пяти лет. Причем, вероятнее всего, именно пяти.

– А с чем это связано? – заинтересованно осведомился Трешников.

Генерал-майор несколько секунд молчал, затем сделал глоток и аккуратно поставил на столешницу кофейную чашку:

– Самое смешное, что мы этого до сих пор точно не понимаем. Или скорее так: «не можем сформулировать». Если говорить упрощенно, так сказать, языком аналогий, то каждое проникновение в прошлое вызывает нечто вроде мощного возмущения пространственно-временного «эфира», для «сглаживания» которого и требуется помянутый мной срок. Как круги на воде, одним словом. Вот и вышло, что, с одной стороны, эти умники ухитрились не только создать самую настоящую машину времени и доказать ценой собственных жизней ее работоспособность, а с другой – сделали так, что сейчас нам доступен только сорок пятый год. Или ждать, пока этот самый «эфир» не успокоится – а ждать нам, с учетом того, что сейчас в мире происходит, ох как невыгодно, сам знаешь. Геополитика, мать ее...

– Значит, первый образец установки был полностью уничтожен? – сменил тему подполковник, потянувшись за своей чашкой.

– Угу, полностью и вместе со всей лабораторией. Ума не приложу, как установка вообще выдержала такое напряжение – когда в лаборатории ахнуло, полгорода без электричества осталось, да и подстанция приказала долго жить, двое суток ремонтировали. Институт-то на тот момент собственной линии не имел, запитывался от городской. Так что вторую установку практически от нуля создавали, благо вся документация и программное обеспечение уцелело, да и Рябченко выжил. Он сейчас у нашего академика и правая рука, и левая, и вообще первый заместитель по всем вопросам.

Трешников усмехнулся:

– Полагаю, после выписки из больнички кисло парню пришлось?

– И даже раньше. Институт-то закрытым был, на родное Минобороны трудился. Так что когда он в себя пришел, в палате уже парочка контрразведчиков дожидалась. Зато, когда разобрались, что именно ребяташки изобрели... я такого грандиозного шухера за всю жизнь не помню. За два месяца нашу «точку» в нынешний вид привели, всех, кто хоть каким-то боком к исследованиям отношение имел, сюда на особый режим отправили, остальных под подписки. Ну а остальное ты и так знаешь.

– А заодно решили больше на дилетантов не полагаться, а сразу использовать профессионалов? – понимающе качнул головой подполковник.

– Ну а ты как думал? Именно из-за непрофессионализма наших молодых да ранних, решивших одним выстрелом и войны не допустить, и весь мировой уклад изменить, мы сейчас в эти временные рамки и загнаны. Так что не обессудь, теперь ваша очередь, твоя и ребят из группы. А ученые пусть формулы пишут, теории выдвигают да опыты проводят. Получится с Адольфом – будем думать, что еще в прошлом подкорректировать во благо Родины и всего прочего, как во времена оны говорилось, «прогрессивного человечества». Полагаю, при правильном подходе к разговору Алоизыч много интересного товарищу Сталину и бериевским следакам поведать сможет, и про связи с Западом и нашими заокеанскими заклятыми партнерами, и про золотишко в швейцарских банках, и вообще...

Да и захват документов, что касались финансирования нацистской партии и были уничтожены накануне капитуляции, будут весьма и весьма небезынтересны руководству Советского Союза. Кстати, документы – тоже твоя головная боль, по всем данным, в конце апреля они как раз в бункере находились, и там же были сожжены после смерти фюрера, так что готовься, Витя, легкой жизни, как видишь, не предвидится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.